

XIX a. PRADŽIOS LIETUVOS KULTŪROS VEIKĖJAI PAGAL PROF. I. N. LOBOJKOS SUSIRAŠINĖJIMĄ SU N. P. RUMIANCEVU, MUZIEJAUS STEIGEJU

A. KAUPUZA

Kiekvienas naujas faktas iš Lietuvos XIX a. pradžios švietėjų gyvenimo ir veiklos vertas dėmesio. Juk, pavyzdžiui, palyginti maža dar tėra žinoma apie L. Uvainį arba apie Kiprijono Nezabitausko gyvenimą iki pastarojo emigracijos.

Netiesioginis naujas žinių šaltinis čia gali būti Maskvos Centriname valstybiniame senųjų aktų archyve laikomi Vilniaus universiteto profesoriaus I. N. Lobojkos laišakai (originalai) Rumiancevo muziejaus (dabar V. I. Lenino vardo biblioteka) steigėjui N. P. Rumiancevui, o taip pat Rumiancevo atsakomųjų laiškų kopijos¹.

Lobojkos laišakai rodo, kad jų autorius neabejotinai buvo gerai susipažinęs su tais klausimais, kurie rūpėjo ano meto Vilniaus mokslininkams, o taip pat Rusijos ir užsienio mokslo veikėjams. I. N. Lobojkos susirašinėjimas su Rumiancevu kalba visų pirma ne apie mokslinius šio profesoriaus laimėjimus, o apie tai, kokiais darbais jis domėjosi arba kuriuos iš jų norėjo globoti, Rumiancevo remiamas. Savąjį Rumiancevo korespondento vaidmenį jis suprato veikiau kaip referento vaidmenį, kurio reikalas — pranešinėti aukštajam protektoriui apie naujus veikalus bei straipsnius.

Rumiancevas tokiu susirašinėjimo pobūdžiu buvo patenkintas ir ne sykį dėkojo Lobojkai už gausias ir sistemingai išdėstytas žinias. Iš pradžių jis primygtinai patarinėjo Lobojkai pačiam imtis rašyti originalius veikalus, pavyzdžiui, apie lietuvių tautą ir jos kalbą, bet paskui jau tikrai apgailėstaudavo, kad administracinis darbas ir dėstytojo veikla neleidžianti Lobojkai dirbti mokslinio darbo.

Vertinant I. N. Lobojkos laiškuose Rumiancevui dėstomų žinių patikimumą, reikia skirti faktus ir jų interpretaciją. Stengdamasis įtikinti N. P. Rumiancevui, Lobojka dažnai aiškina tam tikrus įvykius jo įtakos poveikyje (žr. pranešimą laiške Nr. 8 apie tai, kad lietuviai, paveikti Rumiancevo susidomėjimo lietuvių kalba, ėmė stengtis tirti savo istoriją ir kalbą, kad D. Poška ir Kiprijonas Nezabitauskis ėmėsi sudarinėti žodynus: laišakai Nr. 6 ir 12). Mus čia domina ne Lobojkos aiškinimai, o patys faktai, ir minimoji korespondencija, kaip faktų šaltinis, yra labai įdomi.

Remiantis nagrinėjamos korespondencijos teikiama medžiaga, galima naujai nušviesti kai kuriuos klausimus (pvz., D. Poškos senienų rinkinio

¹ Centrinis valstybinis senųjų aktų archyvas (CVSAA), f. 17, saug. vien. 61, papild.

istoriją); iškelti anksčiau nežinotus faktus. (pvz., apie Kiprijono Nezabitauskio lietuvių kalbos žodyną) arba papildyti naujais duomenimis tai, kas jau yra žinoma ir aprašyta (pvz., kaip buvo renkamos žinios apie lietuvius pagal anketas, išsiuntinėtas dekanatams).

Kiprijono Nezabitauskio žodynas

Apie Kiprijono Nezabitauskio ketinimą rašyti lietuvių kalbos žodyną galima buvo spręsti iš dviejų I. N. Lobojkos laišku (Kiprijonui Nezabitauskui ir L. Uvainiui, 1823 m. birželio mėn.)². Tuose laiškuose apie žodyną kalbama kaip apie sumanytą, projektuojamą veikalą (užsimenama, jog Lobjka matęs Kiprijono Nezabitauskio darbą apie kalbą, bet nesakoma, kad matęs žodyną). 1823 m. gruodyje, kaip rodo šios publikacijos laiškas Nr. 6, apie žodyną jau galima kalbėti kaip apie dirbamą darbą („... užsiėmęs dabar lietuvių kalbos žodyno rašymu“). Atsakyme į šį pranešimą Rumiancevas 1824 m. sausio 11 d. rašė, kad, jeigu Lelevelis ir Lobjka laiką Nezabitauskį galinčiu parašyti žodyną, tai jis esąs „pasiruošęs eiti į pertraktacijas“ dėl lėšų tam žodynui išleisti (žr. laišką Nr. 7). 1824 m. sausio 14 d. Lobjka laiške Rumiancevui vėl užsimenama apie žodyną: „Jūsų šviesybei jau esu pranešęs, kad kanaaninkas Nezabitauskis ketina rašyti lietuvių kalbos žodyną“ (žr. laišką Nr. 8). Matyti, kad dar nieko konkrečiau apie žodyną Lobjka pranešti neturi. 1824 m. balandžio 15 d. Rumiancevas rašo: „Neslėpsiu nuo jūsų, jog labai noriu, kad pasirodytų lietuviškas ir žemaitiškas žodynai, ir su dėkingumu priimčiau, jei tie žodynai būtų dedikuoti man“. Kad yra rašomas žodynas, tapo žinoma mokslo veikėjų sferose. Gal Lobjka, o gal Rumiancevas parašė apie tai ir į Daniją, žinomam filologui R. K. Raskui. 1824 m. spalio 1 d. N. P. Rumiancevas rašė: „Mokslininkas Raskas rašo man, kad labai norėtų matyti išleistą žemaičių kalbos žodyną. Atsimenu, jūs pranešėte [?] man, kad tasai kunigas, kuriam rašau, tokį darbą dirba. Būkit malonus, persiųskit jam išrašą iš laiško, kurį esu gavęs iš p. Rasko, aš čia tą išrašą pridėdau“ (žr. laišką Nr. 14). Galimas daiktas, kad Rasko susidomėjimas skatino Nezabitauskį sparčiau dirbti. Jau 1825 m. kovo 29 d. Lobjka gali pranešti Rumiancevui konkrečių duomenų apie rašomą žodyną: „Nezabitauskis jau atsiuntė man dalį savo parašyto žodyno nuo A iki J, aš jį dabar peržiūrinėju, padedamas studentų ir klierikų žemaičių. Preliminarinės mano pastabos yra tokios. Jis bus labai pilnas, bet be frazeologijos ir tik su lenkišku vertimu <...> Nezabitauskis tenkinasi vien dabar vartojamais žodžiais, senoviškų jis neima...“ (žr. laišką Nr. 17). 1825 m. balandžio 14 d. Rumiancevas, sulyginęs Poškos ir Nezabitauskio galimybes pagal Lobojkos apibūdinimą, rašė, kad pirmenybę reiktų teikti Poškos žodynui, bet „p. Nezabitauskis mano, jog jis pradėjęs savo panašų darbą mano raginimu ir man įsiteikdamas, ko, rodos, visai tikrai pasakyti negalima, tai <...> spausdinti ir jo veikalą, bet vėliau ir galimai sumažinant išlaidas“ (žr. laišką Nr. 18). Daugiau žinių apie Nezabitauskio žodyną susirašinėjime nėra.

Paprastai buvo manoma, kad lenkiškai lietuviškas žodynas, kurio rankraštis atsidūrė Varšuvos universiteto bibliotekoje (Nr. 1201 dingęs

² А. Каупуж, Некоторые дополнительные сведения о литовских деятелях культуры начала XIX века в письмах проф. русской словесности Виленского университета И. Н. Лобойко. Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų Mokslo darbai, „Literatūra“, t. VI, V., 1963, p. 216.

per karą), parašytas Kajetono Nezabitauskio³. Pats Kajetonas Nezabitauskis rašė apie tai laiške M. Višnevskiui 1842 m. gegužės 1 d., o taip pat laiške Daukantui 1853 m. vasario 1/13 d. („Mūsų senovė“, t. III, s. 1, p. 142 ir 146). Publikuojamieji laišakai leidžia abejoti dėl tokio tvirtinimo teisingumo ir spėti, kad tikrasis žodyno autorius buvo Kiprijonas Nezabitauskis. Kajetonas, galimas daiktas, dalyvavo tame darbe, rinkdamas medžiagą, o taip pat padėjo peržiūrėti žodyną (Lobojka laiške Nr. 7 užsimena apie lietuvius studentus, kurie jam padėjo įvertinti žodyną). Įrašas žodyno rankraščio pradžioje sako, kad šis darbas esąs pradėtas kancelerio Rumiancevo pavedimu, ir sutaria su data, kurią galima nustatyti iš Lobojkos laiškų. Be to, kaip rodo Lobojkos laiškas Nezabitauskiui⁴, iki gaudamas Rumiancevo nurodymą, jog reikia teikti pirmenybę Poškos žodynui, Lobojka tikino Kiprijoną Nezabitauskį, kad tik jis vienas „iš visų dabartinių lietuvių mokslininkų“ galėtų būti tinkamiausias žodyno autorius, kad tik iš jo „galima laukti gero lietuvių kalbos žodyno“. Kai Nezabitauskis sužinojo, kad Poškos žodyną Rumiancevas nutarė spausdinti pirma, o, be to, mirė ir pats Rumiancevas (1826 m. pačioje pradžioje), žodyno rašymo darbas sustojo, ir žodynas liko nebaigtas. Kaip matyti iš rankraščio, žodynas nutrūksta raide K.

Lietuvių leksikografijos ir leksikos istorijai svarbus Lobojkos tvirtinimas, kad Nezabitauskis į žodyną imęs tik tuo metu vartojamus žodžius. (Tokią nuomonę, be abejo, Lobojkai padėjo susidaryti jo padėjėjai lietuviai studentai, be to, ir pats Nezabitauskis.)

Vadinasi, žodyno rankraštį galima laikyti dokumentu, liudijančiu, koks buvo gyvas lietuvių kalbos leksikos fondas XIX a. pradžioje. Galia, kad maža tėra vilties surasti tą dingusį rankraštį.

D. Poškos žodynas

Susirašinėjimas taip pat padeda išaiškinti kai kuriuos D. Poškos žodyno rašymo epizodus. Kaip rodo Lobojkos laišakai Kiprijonui Nezabitauskiui, Poškai ir Rumiancevui, iš pradžių kalba eina tik apie Nezabitauskio žodyną. Tiktai 1825 m. kovo 29 d. Lobojkos laiške pasirodo pirmosios žinios apie Poškos žodyną, ir tai tik palyginant su Nezabitauskio žodynu, parašytu jau iki raidės J; apie Poškos darbą kalbama tik kaip apie sumanymą („...Paškevičius irgi ketina imtis šito darbo...“, žr. laišką Nr. 17). Kaip rašo I. N. Lobojka, Poškos žodynas turėjęs būti lotyniškai-lietuviškai-rusiškai-lenkiškas, kaip „tam tikros rūšies lyginamasis žodynas“, kuriuo „galės naudotis visų Europos tautų mokslininkai savo filologiniams ir istoriniams tyrinėjimams“ (žr. laiškas Nr. 17). Dėl rusiškosios žodyno dalies galima spėlioti, kad Poškos ji nebuvo numatyta, kad tai tebuvo vien paties Lobojkos pageidavimas. B. A. Larinas, tyrinėjęs žodyno rankraštį („Trumpa istorinė lietuvių leksikologijos apžvalga“ knygoje Лексикографический сборник, t. II, M., 1957, стр. 130 ir 133), sako, kad žodynas buvęs sudarinėjamas iš įvairių šaltinių, o paskui rašytas, atsižvelgiant į Lindės žodyną. Įdomu sugretinti datą Lobojkos 1825 m. kovo 28 d. laiško, kur pranešama, kad Poška ketinąs rašyti žodyną, su

³ A. Janulaitis, Kiprijonas-Juozas Zabis-Nezabitauskas 1778—1837, K., 1931, p. 70, „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 55; „Mūsų senovė“, t. III, p. 142 duodama žodyno antrašė: „Zodinikas Letuwiszkiej-Zemajitzskas yr Lenkiszkiej yszořitas — słownik litewsko-żmujdzko-polski, tom I — szy od lit. A do J włącznie przez Kajetana Niezabitowskiego Żmujdzina. Zaczęty w Wilnie w r. 1823 — cím z polecenia Kanclerza Państwa Hr. Rómanzoff“. V. Maciūnas ten pat pateikta duomenų apie žodyno rankraštį: dydis — 23 × 36 cm.; 18 000 žodžių ir keli raidės K puslapiai iš II tomo.

⁴ A. Kaupuža, op. cit., p. 216.

Poškos žodyno rankraščio data — 1825 m. kovo 8 d. Jeigu priimtume versiją, kuri išplaukia iš Lobojkos laišku Rumiancevui, t. y. kad Rumiancevo noru, perduotu per Lobojką, Poška tik 1825 metų kovo mėnesyje pradėjęs rašyti žodyną, tai reikėtų suponuoti nepaprastą darbo intensyvumą tokio senyvo amžiaus žmogui: per nepilnus 5 metus (Poška mirė 1830 m.) jis būtų turėjęs surinkti medžiagą ir parašyti 2040 puslapių žodyno. Norėtusi manyti, kad medžiaga žodynu buvo surinkta anksčiau, kad jis tik kažkuriais sumetimais apie tai nekalbėjo Lobojkai. Tai liudija ir žodyno rankraštis, susidedąs, kaip nurodo B. A. Larinas, iš dviejų rūšių įrašų. Dėl to, kad Rumiancevas ir Lobojka norėjo matyti lyginamąjį žodyną, kame būtų sugretinti lietuviški ir rusiški žodžiai, tokio žodyno idėjos atsiradimą reikėtų nukelti į ankstesnį laiką, o ne į XIX a. vidurį. (Plg. J. Kruopas, Iš lietuvių-rusų ir rusų-lietuvių leksikografijos istorijos XIX a., knygoje «Из истории слов и словарей», Л., 1963, стр. 73.)

D. Poškos senienų rinkinys

Yra žinomas 6-sis Poškos testamento punktas, kuriuo jis savo rinkinį, esantį pas Lobojką, atiduoda Vilniaus universitetui⁵. M. Brenšteinas, remdamasis F. Rimgailos užrašais, praneša, kad Poška prieš mirtį, 1829 metais, pavedęs savo rinkinį Lobojkai, kad šis perduotų universitetui⁶. Iš paskelbtų Lobojkos laišku fragmentų taip pat yra žinoma apie Poškos senienų dovanojimą Rumiancevui⁷.

Cia skelbiamas susirašinėjimas atskleidžia kalbamojo dovanojimo istoriją. Vazinėdamas po Lietuvą 1823 metais, Lobojka susipažino su Poškos rinkiniu ir laiške Rumiancevui 1824 m. sausio 14 d. rašė apie tai (žr. laišką Nr. 8). Atsakomajame tų pat metų sausio 22 d. laiške N. P. Rumiancevas, susidomėjęs rinkiniu, prašė Lobojką „sąrašo su kainų nurodymais“, jei Poška nuspręstų savo rinkinį jam parduoti (žr. laišką Nr. 10). Po metų ir dviejų mėnesių, 1825 m. kovo mėn., Lobojka praneša, kad Poška aukojąs Rumiancevo muziejui Peterburge „visą savo rinkinį Žemaitijos riterių kapuose iškastų daiktų, kurie buvo aprašyti ir paskelbti vilniškiam Marcinovskio žurnale 1823 metais“ (žr. laišką Nr. 15). Atsakomajame 1825 m. kovo 17 d. laiške (žr. laišką Nr. 16) Rumiancevas dėkoja Poškai už dovaną ir prašo Lobojką nurodyti, kokiu būdu jis galėtų Poškai atsidėkoti. Prie 1825 m. kovo 29 d. laiško Lobojka pridėda tikslų padovanotinų daiktų sąrašą ir įspėja, kad dovana Poškai, jei Rumiancevas sumanytų dovanoti kokį nors daiktą, turėtų būti palyginti didelė, nes „Paškevičius <...> yra milžiniško ūgio <...> jis turi didiausią rašalinę, kalakuto plunksną, ir viskas didelių matmenų. Jei būtų dovanojama tabokinė, tai turėtų būti nemaža“. Balandžio 14 d. laiške (žr. laišką Nr. 18) Rumiancevas prašo padovanotąjį rinkinį persiųsti į Peterburgą A. Ch. Vostokovo vardu. Po dviejų mėnesių — birželįje — Rumiancevas rašo Lobojkai apie tai, kad Vostokovas nerimaująs, nes negavęs pažadėtų senienų (žr. laišką Nr. 19). Tik 1825 m. rugsėjo mėn. (žr. laišką Nr. 21) Lobojka praneša Rumiancevui, kad buvo nuvažiavęs pas Pošką ir atvežęs į Vilnių padovanotąsias senienas. Remiantis šiuo laišku, galima apytikriai spręsti apie dovanoto objekto dydį: Lobojka atsivežęs „...dvi medines dėžes, kurių viena — aršino ilgio (=71, 12 cm.—A. K.), o kita — dviejų aršinių“. Paskutinį kartą apie rinkinį kalbama Rumiancevo 1825 m. spalio 17 d. laiške (žr. laišką Nr. 22): Rumiancevas dėkoja Lobojkai už paža-

⁵ M. Brenštejn, Dionizy Paszkiewicz, W., 1934, str. 40.

⁶ Ibid., p. 55.

⁷ „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 312, 313.

dą greitai pristatyti senienas. Poškos testamentas rodo, kad nuo 1825 m. rugsėjo mėnesio lig 1830 m. kolekcija buvo pas Lobjką, o Poška testamentu ją padovanojo jau nebe Rumiancevo muziejui, bet Vilniaus universitetui. Jei ne Rumiancevo mirtis, senienos, galimas daiktas, 1826 m. būtų buvusios nugabentos į Peterburgą.

Galimas ir kitoks spėjimas: kad tai buvo dvi kolekcijos ir jos buvo perduotos Lobjkai du kartus: 1825 ir 1829 metais (žr. J. Lebedys, Simono Stanevičius, V., 1955, p. 315).

Anketa apie lietuvių tautą, jos kultūrą ir kalbą

Mokslo pasaulis XIX a. pradžioje į Vilniaus universitetą žiūrėjo kaip į tokį mokslo centrą, kur galima organizuoti lietuvių kalbos ir kultūros tyrimą. Yra žinomas Varšuvos Mokslo bičiulių draugijos kreipimasis 1803 metais į Vilniaus universitetą su klausimais apie lietuvių kalbą ir kultūrą⁸. Taip pat žinoma, kad komisija, į kurią įėjo profesoriai J. Mickevičius, P. Golianskis, S. Malevskis ir M. Sulcas, dalyvaujant T. Cackiui, 1804 metais surinko šiek tiek žinių apie lietuvių kalbą⁹. Žinomos yra ir tos komisijos trumpos išvados, paskelbtos P. Augustaičio¹⁰. Buvo ir K. Kontrimo projektas įvesti lietuvių kalbos dėstymą universitete¹¹.

Kai į Vilnių atsikėlė I. N. Lobjka, kuris, turėdamas ryšių su Rumiancevu, galėjo paremti klausimo materialinės pusės sprendimą, planai išleisti veikalą apie lietuvių kultūrą, istoriją, kalbą vėl suaktualėjo.

Dar 1817 metais į „Mokslinių darbų planą“¹² Lobjka įsirašė užduotį išstudijuoti K. Bohušo ir J. Lelevelio veikalus¹³. Vėliau, 1821 m., P. Kepeno albuman jis vėl įrašo norįs tirti lietuvių kalbą¹⁴. N. P. Rumiancevas, rėmęs Rusijos imperijon įeinančių tautų kalbų tyrinėjimus¹⁵, ir šiuo atveju buvo Lobjkos siekimų iniciatoriumi. Iš Rumiancevo laiško Lobjkai, rašyto 1822 m. balandžio 24 d., aiškėja, kad jis dar Petrapilyje tebebuvusiam Lobjkai buvo pavedęs perskaityti Lelevelio knygą¹⁶ (anksčiau minėtas Lobjkos darbų planas, užrašytas 1817 m., gal ir atsirado kaip atgarsis į tuos Rumiancevo nurodymus).

Nuo pat savo darbo Vilniaus universitete pradžios Lobjka buvo patraukęs Rumiancevo dėmesį kaip galimas veikalo apie lietuvių tautą ir jos kalbą autorius ar bendraautoris. Jau pirmuosiuose laiškuose, adresuotuose į Vilnių, Rumiancevas pabrėžia norįs, kad išeitų veikalas apie lietuvius. 1822 m. lapkričio mėn. Lobjka jam parašo apie numatomo veikalo planą, į kurį įeina duomenys iš geografijos, apie lietuvių kilmę, jų

⁸ A. Kraushar, Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk, 1800—1832, t. I, Kraków, 1900, str. 226; „Czacki <...> przedstawił słownik litewski Mielckiego i gramatykę tegoż języka Ostermajera, podnosząc ważność badań w tym przedmiocie. Na jego wniosek uproszonym został biskup wileński Kossakowski, by zainteresował owym przedmiotem Szkołę Główną Wileńską“.

⁹ „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 53.

¹⁰ P. Augustaitis, Lietuviybės elementai lenkų romantizme, V., 1921, p. 33.

¹¹ „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 152; projekto tekstą paskelbė St. Pigonis (zdawnego Wilna, 1929, str. 23—29).

¹² Lenino vardo bibliotekos rankraščių skyrius, P. O., op. 12, saug. v. 34.

¹³ K. Bohusz, O początkach narodu i języka litewskiego rozprawa, Warszawa, 1808; J. Lelewel, Rzut oka na dawność litewskich narodów..., W., 1808.

¹⁴ Rusų literatūros institutas („Puškinskij dom“, R L I), 10. 102, L. X., b. 24, l. 51.

¹⁵ Зr. Б. С. Иконников, Опыт русской исторнографии, т. I, кн. I, от. V, Киев, 1891, стр. 227.

¹⁶ TSRS Mokslų Akademijos archyvas, P. IV, op. 52, saug. vien. 7, lapas 2.

religiją, kalbą¹⁷. 1822 m. lapkričio 14 d. laiške N. P. Rumiancevas prašo Lobjoką „...stiprinti savo nusistatymą išleisti veikalą, itin pilną ir moksliską, apie lietuvių tautą ir jos kalbą“ ir žada pats duoti lėšų jam išleisti (žr. laišką Nr. 2).

Tasai darbas, kaip žinoma, nebuvo padarytas. Tam sukliudė Lelevelio pašalinimas iš universiteto ir išvykimas į Varšuvą. Likęs vienas, be Lelevelio, kurio pagalbos visų daugiausia tikėjosi, Lobjoka, būdamas išsi- blaškęs ir nemokėdamas sukaupti dėmesį į vieną kurią mokslo problemą, šio darbo nepadarė. Literatūroje yra paminėta, kad buvo 80 gyvenamųjų vietovių aprašai ir platus rankraštis apie Lietuvą¹⁸. Laiškai Rumiancevui ir duoda papildomų žinių apie medžiagą, surinktą to sumanymo proga. Kaip matome iš Lobjokos laiško, rašyto 1822 m. gruodžio 8 d. (žr. laišką Nr. 3), iš dešimties dekanatų, buvusių tose gubernijose, į kurias buvo išsiuntinėtos anketos su klausimais, atėjo atsakymai, Lelevelio ir Lobjokos pripažinti išsamiais ir visai patenkinamais. Anketos buvo išsiuntinėtos Z. D. Chodakovskio prašymu, norint surinkti etnografinių žinių, tačiau Lobjoka, būdamas tarpininku, į jas sudėjo ir visus sau rūpimus klausimus. Sprendžiant iš klausimų, atsakymuose turėjo būti geografinių, toponiminių, hidroniminių, etnografinių, statistinių, archeologinių ir kitokių duomenų. Dešimties dekanatų aprašai apėmė 50 lapų. Kadangi klausimai buvo išsiuntinėti į Vilniaus, Gardino ir Mintaujos gubernijas, tai atsakymuose buvo duomenų ne tik apie lietuvius, bet ir apie baltarusius ir latvius. Iš 22 dekanatų tose gubernijose iki 1822 m. gruodžio 8 d. buvo aprašyta beveik pusė jų. Gali būti, kad šita medžiaga ir vėliau atėję atsakymai iš kitų dekanatų, perrašyti Lobjokos reikalui, ir yra dalis to rankraščio apie Lietuvą, kurį mini istorikai. Važinėdamas po Lietuvą 1823 metais, Lobjoka turėjo užsirašyti ir savo stebėjimus, kurie atsispindi iš dalies laiške Rumiancevui, rašytame 1824 m. sausio 14 d. (žr. laišką Nr. 8). Taip pat jis buvo gavęs atsakymą raštu į 28 klausimus iš Kiprijono Nezabitauskio. Buvo gauta žinių iš D. Poškos, L. Uvainio, M. Chlevinskio ir kitų.

1825 m. susirašinėjime jau nebeužsimenamas veikalo apie lietuvių tautą rašymas: Rumiancevas, matyt, blaiviai įvertino situaciją po Lelevelio išvykimo ir apie tą darbą nebeklausinėjo.

Lobjokos archyve, Rusų literatūros institute, TSRS archyve, Lenino vardo bibliotekoje, Centriniam valstybiniame senųjų aktų archyve ir kituose rankraščių fonduose nepavyko užtikti minimojo Lobjokos rankraščio pėdsakų. Jeigu būtų surastas, šis rankraštis duotų įdomios medžiagos, kurią būtų galima palyginti su TSRS MA archyve saugomais atsakymais į vėlesnę anketą, sudarytą P. Kepeno¹⁹.

¹⁷ R L I, f. 154, Nr. 103, l. 7 v—10 v.

¹⁸ J. Bieliński, Uniwersytet Wileński, t. III, Kraków, 1910, str. 254.

¹⁹ P. Kepenas, rašydamas „Apie lietuviškų tautų kilmę, kalbą ir literatūrą“ (1827 m.), taip pat rengdamasis galimiems tolesniems tyrinėjimams, kuo stropiausiai rinko medžiagą ir žinių rinkimo reikalu kreipėsi ne tik į Vilniaus universitetą, bet ir į vietos dvasininkus. Apie tai liudija TSRS MA archyve laikomas Bresto kanauninko Antano Sosnovskio laiško dekanams nuorašas. Kepeno įpareigotas, Sosnovskis prašo pranešti: 1) kuriose apylinkėse kuria kalba kalba gyventojai, 2) kur eina kalbų vartojimo riba, 3) jei gyventojai vartoja kelias kalbas, tai kuri iš jų yra jiems gimtoji (TSRS MA archyvas, f. 30, op. 1, Nr. 480, lapai 69—73): „Należący do Ministerstwa Oświecenia kawaler Keppen zażądał ode mnie dla dopełnienia statystycznych tutejszych prowincyi wiadomości poszczególnienia, w których mianowicie miejscach tutejszey decyzyi jaki jest zwyczajny w pospółstwie dyalekt mowy, to jest litewskie-ruski, białoruski, polsko-ruski lub też litewski, łotewski albo żmudzki i jaką linią takowo pomiędzy sobą dialekt odgraniczają się. Dla zadość uczynienia takowemu żądaniu postanowilem zasięgnąć o tym jak naidokladniejszych wiadomości od PPI Xięży Dziekanów <...>

* * *

*

Lobojkos, kaip tarpininko ir informatoriaus apie kultūrinį gyvenimą Lietuvoje, vaidmuo buvo itin reikšmingas. Jei Kopenhagoje ir Paryžiuje žmonės galėjo tuoj pat susipažinti su ką tik išėjusia iš spaudos lietuviška Kiprijono Nezabitauskio knyga apie bitininkystę, tai buvo Lobojkos nuopelnas, nes jis pasistengė tą knygą ten nusiųsti (žr. laišką Nr. 6). Lygiai taip pat, kai tik išėjo iš spaudos Kajetono Nezabitauskio elementorius, Lobojka pasistengė apie jį painformuoti mokslo pasaulį (žr. laišką Nr. 12). Ziniomis, gautomis iš Lobojkos, Rumiancevas dažnai pasidalydavo su kitais savo korespondentais. Antai, jis apie D. Poškos lietuviškas senienas pranešė į Kijevą J. Bolchovitinovui²⁰, rašė į Daniją Raskui apie lietuvių kalbos žodyną ir pan.

* * *

*

Centriniame valstybiniame senųjų aktų archyve iš viso yra 48 laiš-
kai — 26 Lobojkos ir 22 Rumiancevo; kai kurie iš jų jau buvo paskelbti
ilustracijos dėlei N. P. Rumiancevo ir A. Ch. Vostokovo susirašinėjimo
publikacijose („Protojerejaus Joano Grigorovičiaus susirašinėjimas su
grafu N. P. Rumiancevu leidinyje «Чтения Московского общества исто-
рии и древностей», 1864, кн. II; Greznevskio „A. Ch. Vostokovo susi-
rašinėjimas“, S. Pb., 1873). Tų publikuotų laiškų fragmentai buvo per-
spausdinti „Darbuose ir dienose“, t. VIII, p. 311—313. (Ten buvo ištrau-
kos iš laiškų Nr. 12, 17 ir 18, kurie mūsų publikacijoje duodami ištisai.)

Atrenkant laiškus mūsų publikacijai, laikytasi tokio principo: buvo
imami tie laišškai, kuriuose minima Lietuva arba Lietuvos kultūros veikė-
jai. Todėl čia pateikiami tikslai 22 laišškai (10 Lobojkos ir 12 Rumiance-
vo) ir ne ištraukomis, o ištisai, norint atkurti susirašinėjimo „klimatą“.
Rumiancevui, kaip matome, rūpėjo kuo įvairiausi dalykai (rankraščiai,
seni leidiniai, mineraliniai šaltiniai Lietuvoje ir t. t.). Jis pavesdavo Lo-
bojkai ne tik mokslinių, bet ir šiaip daug visokių užduočių. Šie laišškai
yra ne tik tų laikų kultūrinio, bet ir buitinio gyvenimo dokumentas, nes
juose atsispindi aukščiausiojo valstybės pareigūno, kanclerio grafo Ru-
miancevo sandikiai su beturčiu universiteto profesoriumi, neturiniu dva-
rų, gyvenančiu tik iš algos, priklausančiu nuo aukštųjų protektorių.

Sunku praveisti tikslią ribą tarp to, kuo Lobojka iš tikrųjų domėjosi
ar žavėjosi, ir tarp noro įtikti dosniam mokslų globėjui. Taip pat nesii-
sime čia nagrinėti Rumiancevo veiklos motyvų bei tikslų — kas jam buvo
svarbiau, ar politiniai imperijos kanclerio sumetimai, ar mokslo vyro bei
mecenato susidomėjimas. Mums šiuo tarpu svarbu ne subjektyvūs Ru-
miancevo ir Lobojkos motyvai, o objektyvūs Lietuvos kultūrinio gyvenimo
faktai. Kaip faktų šaltinis šis susirašinėjimas yra vertas publikacijos.

Publikuojamuose laiškų tekstuose originalo rašyba ir skyryba nėra
perteikiama; pavyzdžiui, daug didžiųjų raidžių pakeistos mažosiomis
pagal dabartinę rašybą, taip pat nepaisyta savotiško dvitaškių, brūkšnių

w których wsiach Ich parafii jakim mówią dialektem i jak daleko takowy rozciąga się do miejsca, gdzie innym mówić zaczynają, zwłaszcza jeśli ta przemiana jest w Ich parafii lub w bliskiej sąsiedzkiej, tedy wyrazić powinni, na których wioskach kończy się dyalekt w nich używany, a od których zaczyna się inny <...> Gdzie zaś język łotewski, litewski lub żmudzki poczynają się, a gdzie również jednym z tych jak też ruskim mówią, o zwłaszcza który z nich jest macierzystym <...> 23 juni 1827, Wilnie X., Sosnowski. Atsakymai buvo gauti. Dabar jie laikomi TSRS MA archyve (f. 30, op. 1, Nr. 78—79).

²⁰ Переписка митрополита Евгения с государственным канцлером гр. Н. П. Румянцевым <...> с 1813 по 1825 г., Воронеж, 1868—1872, стр. 123.

ir kitų ženklų dėliojimo, o skyrybos ženklai visur sudėti pagal dabartines punktuacijos taisykles. Sunkiai išskaitomi žodžiai ar žodžių dalys paimamos į laužtinius skliaustus, prie jų dedamas klaustukas; rankraštyje praleistos žodžių dalys rašomos laužtiniuose skliaustuose, taip pat ir kai kurių riktų ištaisymai. Laiškai pateikiami chronologine tvarka (byloje jie sumaišyti), prie kiekvieno duodamas lapo nurodymas.

Vilniaus Valstybinis pedagoginis institutas
Lenkų kalbos ir literatūros katedra

Iteikta 1965 m.
gruodžio mėn.

ПИСЬМА

[1]

ИВАНУ НИКОЛАЕВИЧУ ЛОБОЙКО.

ГОМЕЛЬ, 3 НОЯБРЯ 1822.¹

С удовольствием получил письмо, каковым меня удостоить изволили от 20 октября², и многие примечания Ваши, и желание распространить в Польше истинное познание российского языка достойны всякого внимания. Вы описываете скудость способов к тому по разным учебным заведениям, она меня не дивит, но когда нельзя к сему дать пособие, то надобно уже искать отдельных польз.

Нельзя ли мне доставить список с того отчета, который подавал, считаю я, университету г. профессор Бобровский³ по окончании своих путешествий, с приобщением к нему реестра тех редких книг на всех славянских наречиях, которые он приобрел, и уведомить меня, не имеет ли он намерения некоторые из них продать и какую им [по?] ставит цену. Ко мне самому шлют хронику далмацкую на иллирико-славянском языке, которая находится в ватиканской библиотеке под № 7019. Не самая ли это та, о которой Вы упомянуть изволите?

Г. Глебович⁴ меня точно предупредил о желании его мне посвятить перевод на польский язык русской грамматики⁵, но я, кажется, не должен на то соглашаться прежде того, как Вы меня точно удостоверяете, что сей его труд имеет степень нужного совершенства. Г. Глебович, без сомнения, заслуживает уважения в возмездие добрых своих душевных качеств и похвального поведения, но, между нами будь сказано, он точно русского правописания не знает, почему же ему заниматься передавать другому народу грамматику нашу?

Не такое суждение должен я делать [о] способностях того учителя российского языка, что ныне находится в Кракове⁶, и я от этого не

¹ N. P. Rumiancevo laiško nuorašas, CVSAA, f. 17, saug. v. 61, pap. l. 5—5v.

² Ten pat, l. 37—40; Lobjka rašė Rumiancevui apie tai, kad universitetas gavo veikalą „Собрание государственных грамот“ III томą, apie prof. Boborovskio grįžimą iš mokslinės kelionės ir jo tyrimų vaisius, apie seniosios slavų kalbos ir rusų kalbos dėstymą universitete, apie Hlebovičiaus išverstą Reifo gramatiką, apie darbą prie rusiškai-lenkiško žodyno, apie tai, jog reikia versti į rusų kalbą Bandtkės, Lelevelio, T. Sвенckio veikalus. Žadėjo taip pat atsiųsti Rumiancevui veikalą apie lietuvių tautų planą.

³ M. Bobrovskis (1785—1848) mokslo tikslais keliavo užsienyje nuo 1817 iki 1822 metų. Grįžęs davė universitetui plačią ataskaitą apie savo kelionę.

⁴ Hlebovičius Antanas (1801—1847) išvertė į lenkų kalbą Reifo ir M. Grečo rusų kalbos gramatikas, o taip pat eilę rusų autorių veikalų, pvz., Charkovo universiteto prof. G. P. Uspenskio straipsnius iš istorijos ir statistikos.

⁵ Ch. Ph. Reiffa grammatyka rosyjska <...> przelożona <...> i potrzebnyimi dodatkami do użytku Polaków zastosowana przez A. B. Hlebowicza kandydata filozofii. Wilno, 1823.

⁶ Rusų kalbos lektoriumi Jogailos universitete nuo 1822 iki 1830 ir nuo 1833 iki 1835 metų buvo A. J. Serno-Solovjevičius.

прочь, чтобы его употребить на перевод сочинения г. Банд[т] ке о древних краковских типографских изданиях⁷, и пошу Вас указать мне, нет ли сего ученого мужа какого-либо сочинения на польском языке многоуважаемого. Признаюсь Вам, что доставленный мне Вами опыт перевода его польской истории⁸ мало меня прельщает. Я не думаю, чтобы сие сочинение весь дух и всю важность исторического творения в себе содержало. Не может ли также тот же г. Сол[л]овьевич взять на себя перевод сочинения Томаша Свенского⁹? Пожалуйте доставьте мне на это ответ с показанием, какое денежное воздаяние желает. Писать буду, употребите [ль?] ли его или нет.

Я благодарить буду университет за то благосклонное ко мне внимание, с каковым доставлена мне копия с инструкции, данной депутатам, отправленным к царю Алексею Михайловичу. Я очень желаю видеть русский перевод того сочинения г. [Лемка?], которое по-немецки пере[де]н[о] г. Линде. Вы пожалуйста с ним переговорите, сыщите сообраза на то искусного переводчика и дайте мне знать, какого он за то денежного воздаяния потребует, и буду очень доволен, когда получу обещанный мне план издания Вашего о литовском народе и языке¹⁰.

В[o?]зываю Вас, милостивый государь мой, продолжать Вашу со мною переписку: она мне приятна будет.

С истинным...

[2]

ИВАНУ НИКОЛАЕВИЧУ ЛОБОЙКО.

ГОМЕЛЬ, 14 НОЯБРЯ 1822 г.¹¹

С удовольствием имел честь получить письмо Ваше от 2 ноября¹². Прочтя его с большим вниманием, я прошу Вас утвердиться в намерении издать сочинение довольно полное и ученое о литовском народе и о языке его. Кажется, Вам все источники известны, но со всем тем, призвав себе в помощь г-на Лелевеля, постарайтесь отыскать какую-либо древнюю рукопись о Литве еще неизвестную, нельзя тому стать, чтобы литовская какая-либо хроника первобытных времен не лежала забыта в монастырских и в частных библиотеках. Lucas David¹³ для Вас необходимо нужен. Я его имею и предпишу, чтобы из библиотеки моей его выдали г-ну Анастасевичу¹⁴ для пересылки к Вам. Я также по возвращении своем в Петербург, то есть в будущем феврале месяце, пересмотрю всю часть своей библиотеки, касающуюся до Литвы. Записку о том составить препоручу и на рассмотрение Ваше Вам передам. Не торопитесь, а старайтесь дать сочинению всю полноту.

⁷ Bandtkie, Jerzy Samuel (1768—1835), Historia drukarń krakowskich od zaprowadzenia druków do tego miasta aż do naszych czasów, 1815.

⁸ Bandtkie, J. S., Krótkie wyobrażenie dziejów Królestwa Polskiego, Wrocław, 1810; Dzieje Królestwa Polskiego, 1820.

⁹ Święcki, Tomasz (1774—1837), Opis starożytnej Polski, Warszawa, 1816.

¹⁰ Lobjka žadėjo atsiųsti veikalą planą 1822 m. spalio 20 d. laiške.

¹¹ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, papild., l. 4—4^v.

¹² Šio laiško juodraštis yra RLI archyve (f. 154, Nr. 103, l. 7^v—10^v). Jame Lobjka rašo apie savo veikalą apie lietuvių tautą ir kalbą planą, kur numatomi tokie skyriai: geografinis žemių, kur gyvena lietuviai, aprašas; lietuvių tautos kilmė; lietuvių religija; lietuvių tautos kalba.

¹³ Davidas Lukas — prūsų XVI a. kronikininkas. Jo veikalai buvo išleisti Karaliaučiuje 1812—1817 metais.

¹⁴ Anastazevičius V. G. (1775—1845) — vertėjas ir bibliografas.

Тунман¹⁵ будет Вам хороший путеводитель. Он в свое время явился как соперник опасный самого именитого Шлецера¹⁶.

Когда сочинение Ваше готово будет, Вы меня им подарите, я сяду на себя издержку его печатания в Москве и пришлю к Вам 100 экземпляров, коими Вы будете располагать как угодно.

Ежели точно г. Томас Свенский приступает ко второму изданию того сочинения, о котором Вы мне отзывались с хвалою, я готов его издать, а ежели это не наверно, то пришлите мне пожалуйста экземпляр первого издания с показанием, что следует мне за него заплатить и кому.

Известный Вам г. Кеппен¹⁷ давно у меня оставил записку, в которой нахожу, что он в Харькове слышал, будто бы близ Славянска на пути к Белгороду, в недалеком расстоянии от дороги находится какая-то гробница с надписью; Вы как харьковский уроженец не можете ли дать мне знать, что за гробница, какая надпись, какого века, на каком языке и ежели Вам самому это не известно, то посредством Ваших тамошних приятелей, особливо из числа профессоров, не можете ли Вы, милостивый государь мой, получить для меня полное об этом сведение? Я также неоднократно слышал, что кто-то в Харькове имеет малое собрание очень древних российских монет и некоторых греческих медалей, вырытых в пределах России, именно в Ольвии и в Тавриде, и что он готов их продать. Доставьте мне пожалуйста и об этом сведение.

Окончательно прибегаю к Вам по делам своего здешнего домашнего хозяйства, прося Вас принять на себя труд разведать обстоятельно, кто таков [Фр...?] Сукомель, который почитает себя быть химиком, утверждает, что он совершенный мастер делать [ром?] липец, ковенский портер и особенный сорт двойного какого-то пива, какое в Вильне продавалось под именем марикони. Дайте мне пожалуйста знать, что скажут Вам об нем, не шарлатан ли, имеет ли в пивоварении особенное искусство и какого поведения. Мне совестно, что я Вас так много разными просьбами обременяю, но я к Вам преисполнен доверенности.

Честь имею быть...

[3]¹⁸

Сиятельный граф!
Милостивый государь!

Я не имел еще чести ответить на письмо Ваше от 14 ноября, коим Ваше сиятельство благоволили дать свое согласие на издание сочинения о народе и языке литовском по представленному мною плану. Г-н профессор Лелевель изъявил желание разделить со мною сей труд. Посему благодарность за пособия, какие ваше сиятельство обещаете доставить нам из своей библиотеки должна быть для нас общею. Один из жмудинов, студент нашего университета, узнав о сем союзе и о драгоценном внимании знаменитейшего канцлера империи к литовскому

¹⁵ Tunmanas Johanas Erichas (1746—1778) — švedų istorikas, rašęs šiaurryčių Europos tautų istorijos temomis.

¹⁶ Słeczeris (Schlözer) Augustas Liudvigas (1735—1809) — vokiečių istorikas, rusų metraščių tyrinėtojas.

¹⁷ Kępenas P. I. (1793—1865) — žinomas statistikas ir etnografas.

¹⁸ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 33—35^v, 52—52^v. Šio laiško juodraštis su kai kuriomis teksto skirtybėmis saugomas RLI archyve, f. 154, Nr. 103, l. 16^v—18^v.

языку и народу, пришел, незнакомый, изъявить мне те пламенные чувствования, какими восхитило душу его сие известие. Он наименовал мне многих из товарищей своих, кои, ободренные примером уважения первого из государственных вельмож, не стыдятся теперь называться литвинами и жмудинами и дали друг другу обет заниматься своим языком и словесностью.

Г. Ходаковский¹⁹ доставил нам повод собрать весьма важные сведения касательно распространения литовского языка. Его высокопревосходительство литовский военный губернатор А. К. Римский-Корсаков, получа в мае от него письмо, коим просил он содействия его высокопревосходительства в поверке одной гипотезы в натуре²⁰, избрал меня для ученых сношений. Я испросил позволения обратиться от имени его к плебанам трех губерний и, пользуясь случаем, требовал, чтобы в каждой парафии противу формы, [сим?] приобщаемой, описано было:

1. Название парафии с означением повета, губернии, также и тех парафий, с коими смежна.

2. Наименование деревень, принадлежащих к парафии.

3. Число душ обоего пола в каждой деревне.

4. Число домов в каждом селении, в коих простой народ говорит особым диалектом.

5. Какого вероисповедания.

6. При какой реке или речке, или озере деревня имеет положение и что известно достойного внимания об основании ее или о древних событиях. Какие в каждом поселении и окрестностях его находятся древние памятники, также книги литовские, латышские и проч., равномерно обряды, религии или остатки древних обычаев и проч.

Предприятие сие, сделанное на удачу, ныне идет с неожиданным успехом. Такие сведения поныне получены уже из 10 деканий, а именно из Семигальской и Курляндской в Митавской губернии; из Вишневской, Купицкой, Упитской, Ковенской, Браславской — губернии Виленской; Гродненской, Кобринской, Волковской — губернии Гродненской²¹. Пересмотрев оные вместе с проф. Лелевелем мы нашли их весьма удовлетворительными, так что, если они с такою же подробностью доставлены будут из всех деканий помянутых губерний, тогда можно надеяться, что сей предмет приведен будет в совершенную известность. Если бы могли мы достать два экземпляра подробнейших географических карт губерний Виленской, Гродненской и Курляндской, тогда бы мы могли при помощи сих сведений означить на них с точностью полосы, идущие в лингвистическом отношении, а это самое, к чему простирает усилия свои достопочтенный наш лингвист г. статский советник Аделунг²². Кроме сего, сведения сии не менее важны со стороны топографии и могли бы служить к пополнению, поправлению географических карт и словарей при описании сих губерний. Недостаток пособий сего рода весьма приметен в географическом словаре Российского государства,

¹⁹ Carnockis Adomas (1784—1825), kurio pramanyta pavarde Zorijanas Dolenga Clodanovskis,— archeologas ir etnografas.

²⁰ Tas kreipimasis buvo išspausdintas žurnale „Dziennik Wileński“, 1822, Nr. 11, str. 386—387.

²¹ Iš viso nurodytose gubernijose buvo 22 dekanatai. Be dešimties čia išvardytų, kaip rodo 1822 metų Direktorium, buvo dar šie: Abelenensis, Brestensis, Lidensis, Novogrodensis, Oszmianensis, Poboyscensis, Pružanensis, Slonimensis, Transviliensis, Trocensis, Vilenensis, Vilkomiriensis.

²² Adelungas Fridrichas (1768—1843) — vokiečių mokslininkas, nuo 1794 metų gyvenęs Rusijoje.

изданном Максимовичем и Щекатовым²³. Мы оба с профессором Лелевелем того мнения, что список с сих сведений для [важной?] библиотеки был бы весьма полезен, поелику он мог бы считаться в числе важнейших источников для познания сих краев. Но как сии сведения должны отосланы быть министру духовных дел и народного просвещения для вручения Ходаковскому, то мы рискуем навсегда с ними расстаться, если пропустим время переписать их, а это составит до 50 письменных листов.

Г. профессор Лелевель занят теперь рецензией на историю Карамзина²⁴, а я описанием Бобровского собрания славянских книг. Начало сей рецензии скоро помещено будет в «Северном архиве»²⁵. Г. Лелевель не имел намерения дать решительное мнение о сем творении, тем менее нападать на слабые его стороны. Он вознамерился прочесть оное несколько раз с величайшим вниманием и, сделав при сем чтении дополнения и замечания, какие ему представятся, сообщить оные на суд публики. Г. Лелевель отвергает ту мысль, будто бы российская история не имеет ничего интересного подобно греческой и римской и будто бы народ под влиянием самодержавия не действует и не имеет собственного характера; можно везде найти и то, и другое; и в этом то торжество историка²⁶.

Г. Лелевель за секрет сообщил мне, что новый профессор восточных языков Сенковский²⁷ занимается извлечением и переводом мест из восточных писателей, упоминающих о славянах, намереваясь неожиданно представить публике сей важный дар на французском языке с литографированными оригинальными листами во избежание издержек. О втором издании Свенцкого не успел я еще с точностию узнать; ежели это окажется неверно, то не премину в скорости доставить Вашему сиятельству первое издание. С сею же почтою пишу в Харьков, чтобы разведали о гробнице, упоминаемой Кеппеном. Монеты, о которых Ваше сиятельство изволите упоминать, принадлежали профессору Успенскому²⁸ и уступлены Харьковскому университету. Знаю, что большая часть их Ольвийские и не думаю, чтоб тут было что важное.

По приезде Вашего сиятельства в С. Петербург всенижайше просим приказать доставить для нас Тунмана „*Untersuchungen der östlichen neu-europäischen Völker*“ и Шлецера „*Allgem. nordische Geschichte*“ под мою расписку на время до будущих вакансий. Мы нигде их сыскать не можем.

Между тем я начну учиться по-литовски; приласкаю к себе молодых ученых — литовцев и один раз в неделю назначу в доме моем время для собеседования о сем предмете.

Примите, сиятельнейший граф, свидетельство вечного моего высокопочитания и душевной преданности к особе Вашей, с коими имею счастье быть Вашего сиятельства всенижайший слуга Иван Лобойко.

8 декабря 1822. Вильно.

---

²³ Levas Maksimovičius sudarė „Rusijos valstybės geografinį žodyną“ (1789 m.) ir drauge su Šekatovu išleido jį pakartotinai 1809 m.

²⁴ Karamzinas N. M. (1766—1826 m.) — žymusis istorikas, išgarsėjęs savo „Rusijos valstybės istorija“ (12 tomų).

²⁵ 1822—1824 metais Lelevelis žurnale „Severnyj archiv“ (4, 8, 9, 11, 12 dalyse) skelbė „Karamzino veikalą „Rusijos valstybės istorija“ nagrinėjimą“.

²⁶ Rankraštyje šioje vietoje stinga vieno ar dviejų lapų.

²⁷ Senkovskis, J. I. (1800—1858) — žinomas lingvistas orientalistas, Vilniaus universiteto auklėtinis.

²⁸ Uspenskis G. P. (m. 1820 m.) — Rusijos istorijos, statistikos ir geografijos profesorius Charkovo universitete.

Сиятельныйший граф!
Милостивый государь!³⁰

Отец протоиерей Григорович³¹ по воле Вашего сиятельства доставил на имя мое экземпляр Софийского временника³², изданного покровительством Вашим. Сим благоволили, Ваше сиятельство, ускорить исполнение желания нашего иметь сие важное издание в нашей университетской библиотеке.

Вместо введения в российскую историю я объяснил при помощи Шлецера начало Несторовой летописи³³. Многое оставляет он необъясненным или недоказанным, что при настоящих успехах истории можно бы сказать решительнее. Г-н Грамматин³⁴, издавший «Слово о полку Игореве», показывает обширную начитанность и знание всех пособий, тоже и переводчик Фатеровой³⁵ статьи «История русского языка». Я думаю, скоро у нас найдутся ученые, кои не только издавать, но и объяснять его в состоянии будут. Может быть, разделение сего труда надежнее бы привело к сей цели. Если бы преосвященнейшему митрополиту³⁶ благоугодно было объяснить то, что в Несторе имеет отношение к Киеву, Гиппинг³⁷ и Шегрен³⁸ то, что к Финляндии; копенгагенские ученые то, что к Скандинавии. Со стороны византийских писателей г-н Круг³⁹ предупредил уже отчасти сие желание изданием хронологии византийцев. Фатер обнаруживает весьма посредственное познание в скандинавских писателях. Снорре-Стурлусон⁴⁰ и Далин⁴¹ у него альфа и омега.

Петр Иванович Кеппен обрадовал меня из Вены письмом с приложением Nordgestade des Pontus⁴², украшенным знаменитым именем Вашего сиятельства. Он умел избрать жертву для обожаемого ученою Европою героя. Он путешествует, как никто еще не путешествовал из русских. Те ездили учиться у иностранцев; этот — и учиться, и учить. По непреодолимому рвению его к наукам, редкой способности объяснять и найти все ученые средства для своей цели, углубляться в предмет

²⁹ Daugumojė Lobjkos laiškų yra atžymos, kada Rumiancevo į juos atsakyta.

³⁰ CVSAA, t. 17, saug. v. Nr. 61, papild. l. 62—63 v.

³¹ Grigorovičius, I. I. (1792—1852) — slavistas, «Белорусский архив древних грамот» išleidėjas.

³² 1920 metais P. M. Strojėvas išleido tris Sofijos metraščius. „Sofijos kronika“ — Novgorodo I-jo metraščio nuorašas (1448).

³³ Kai kurie istorikai Nestorą laiko veikalą «Повесть временных лет» autoriumi.

³⁴ Gramatinas N. F. (1786—1827) — filologas; jis išspausdino „Sakmės apie Igorio žygį“ vertimą su smulkiais paaiškinimais.

³⁵ Fateris Jahanas Severinas (1771—1826) — vokiečių filologas ir teologas, parašęs rusų (1808) ir lenkų (1807) kalbų vadovėlius.

³⁶ Jevg. Bolchovitinovas (1767—1837) — Kijevo ir Haličo metropolitas, žinomas slavistas.

³⁷ Gippingas A. — Suomijos kunigas, studijavęs Rusijos istorijos šaltinius.

³⁸ Segrenas A. M. (1794—1835) — akademikas, rusų filologas, rašęs apie suomių kalbą ir literatūrą.

³⁹ Krugas F. I. (1764—1844) — archeologas, rašęs apie senovės Rusijos monetas; garsus jo veikalas „Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie“, Peterburgas, 1810.

⁴⁰ Snore Sturlusonas (1179—1241) — islandų skaldas.

⁴¹ Olavas Dalinas (1708—1763) — švedų poetas ir istorikas.

⁴² P. I. Kepeno darbas, išleistas Vienoje 1823 m.: „Alterthümer am Nordgestade ces Pontus“.

и находить истинно занимательную его сторону, я всегда советовал ему сделаться академиком.

Может быть, Вашему сиятельству я еще не докладывал, что прошедшим летом по поручению комиссии составления законов чрез посредство господина попечителя нашего назначен у нас комитет для исправления оригинального текста литовского статута посредством сличения разных его изданий и для сообразного с ними поправлений русского перевода. Члены этого комитета Зноско⁴³, Лелевель, я, Данилович⁴⁴, Контрым⁴⁵. При сем упражнении я еще более удостоверился, что польский и белорусский языки сего статута ничем не различаются, кроме грамматических форм и букв. Я невольно увлечен в это занятие и только утешаюсь тем, что, познав из сего памятника образ жизни русинов, приду в состояние с большим успехом заниматься их историею и объяснять письменные памятники. На праздниках светлого воскресения я намерен поехать на Жмудь познакомиться с литовскими учеными Увойном⁴⁶, Пашкевичем и отыскать еще других.

Примите удостоверение в глубочайшем моем высокопочитании и неограниченной преданности.

Вашего сиятельства Ваш всенижайший слуга Иван Лобойко.
25 марта 1823. Вильно.

[5]

10 апреля Петербург
[užbraukta: 25 марта] 1823⁴⁷

Милостивый государь мой Иван Николаевич!

Письмо [ištaisyta: письма], каковым[и] меня почтить изволили от 29 января⁴⁸ [įterpta: и 25 марта] я д[о] [сего?] время получил и приношу Вам свою благодарность; усмотрел из оногo, что Вы не покинули намерения посетить Москву. Я данное вам обещание здесь исполню, препровождая к Вам письмо на имя сенатора Малиновского⁴⁹, а другое на имя г. Калайдовича⁵⁰. Посылаю также библиографические известия о трех рукописных славянских библиях, хранящихся в патриаршей библиотеке в Москве. Вы г. Лелевель желали их иметь, а составлял их для меня г. Калайдович. Мне очень приятно будет, если я сею присылкою Вам и г. Лелевелю угожу; попросите его, чтобы он с них снял список, от меня его препроводил к г. Линде⁵¹ в Варшаву. Я пред Вами и г. Лелевел[ем] хвалиться буду важным приобретением, то есть печатным изданием литургии в Венеции 1519-го года.

Я надеюсь, что ваша поездка в Жмудь [užbraukta: нам всем] и принесет всем нам времен [užbraukta: обратит на] пользу [užbraukta:

⁴³ Jonas Znoska (1772—1833) — Vilniaus universiteto profesorius (nuo 1815 m.).

⁴⁴ Ignacas Danilovičius (1787—1843) — istorikas, Vilniaus, Charkovo, Kijevo ir Maskvos universitetų profesorius.

⁴⁵ Kazimieras Kontrimas (1762—1836) — Vilniaus universiteto sekretorius.

⁴⁶ Leonas Uvainis (1753—1828).

⁴⁷ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. 1. 66—66^v.

⁴⁸ Laiškas rašytas 1823 m. sausio 29 d., ten pat, 64—65^v lap. Lobjka prašė atsiųsti universiteto bibliotekai „Sofijos kronikos“ egzempliorių, rašė apie Lelavelio bibliografijos spausdinimą.

⁴⁹ Malinovskis A. F. (1762—1840) — senatorius, akademijos narys, parašęs eilę istorijos veikalų.

⁵⁰ Kalaidovičius K. F. (1792—1832) — archeologas ir istorikas, vienas iš žymiausių Rumiancevo bendradarbių.

⁵¹ Lindė S. B. (1771—1847) — žinomojo žodyno autorius.

по той] [...] той хорошей ж̄твы древних бумаг и сведений [...]] первобытном состоянии Литвы, с каковыми возвратитесь.

С совершенным...

Поблагодарите от меня г. Твардовского⁵² за [užbraukta; то, что уведомил он меня] уведомление меня о получении для библиотеки Виленского университета экземпляра Софийского временника.

С совершен[ным] почт[ением]...

[6]

11 янв. 1824

Сиятельный граф!⁵³
Милостивый государь!

Отец каноник Киприан Незабитовский⁵⁴, обитающий при берегах Немана, близ Юрбурга⁵⁵, в самой середине литовских племен, несмотря на отдаленность его от великого света, известен о всех драгоценных жертвах и благодеяниях Вашего сиятельства для славы наук и отечественного просвещения. Питая к особе Вашей чувствования благоговейного почтения, он осмелился посвятить высокому имени Вашему составленное им на жмудском наречии сочинение о пчеловодстве⁵⁶.

Плебания его предоставляет ему в управление до 200 душ, а вместе с тем и способы заниматься литературными трудами. Они, конечно, не получили бы сего направления, если бы Ваше сиятельство на литовский народ и язык не обратили пронизательного Вашего внимания. Отец Незабитовский, будучи ободрен сим драгоценным вниманием знаменитого благотворителя наук, занимается теперь составлением литовского словаря. Он почтет себя весьма счастливым, если Ваше сиятельство благоволите удостоить его самого уведомлением о получении усерднейшего его приношения. Я полагаю, что для него весьма лестно будет в память Вашего к нему внимания получить какое-либо сочинение из числа изданных иждивением Вашего сиятельства. Три экземпляра я назначаю в библиотеку Копенгагенского университета, в числе коих и для профессора Раска⁵⁷. Сия новость будет для них весьма любопытна. Отослать оные удобно можно через г-на Бука, петербургского комиссионера сарептского общества⁵⁸. Я желал бы также, чтобы один экземпляр доставлен был в Париж издателем журнала *Revue encyclopedique*. Несколько экземпляров посылаю теперь же в Кенигсберг. Это печатано во время отъезда моего в Петербург, а потому показались некоторые неисправности.

Поспешая сим отправлением, я наскорю имею честь уведомить Ваше сиятельство о получении мною и Лелевелем Ваших писем в ответ на наши. К новому году буду иметь счастье доставить Вашему сиятельству обещанный мною отчет о моих литературных занятиях.

С глубочайшим высокопочитанием и вечною преданностию имею счастье быть Вашего сиятельства всенижайший слуга Иван Лобойко. 23 декабря 1823. Вильно.

⁵² Tvardovskis J. (1786—1840) buvo 1823—1824 m. Vilniaus universiteto rektoriumi.

⁵³ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap., l. 8—9.

⁵⁴ Kiprijonas Nezabitauskis-Zabitis (1779—1837).

⁵⁵ Jurbarkas.

⁵⁶ „Surinkimas Dasekimu par Mokintus Zmonias, senowias amžiose tikray daritu apy bytes (...) par Kunigo Cypriono Juzapo Niezabitauski (...) Wilniuje 1823“.

⁵⁷ Raskas R. K. (1787—1832) — danų kalbininkas, moksliškos kalbotyros Skandinavijoje pradininkas.

⁵⁸ Sarepta — vokiečių kolonija, evangelikų draugijos įsteigta buv. Saratovo gubernijoje.

М.г.м. Иван Николаевич.

Благодарю за письмо, каковым меня удостоить изволили от 23 декабря. Я удивлен и порадован был присылкою на жмудском языке напечатанной книги о человоудстве и мне посвященной. [Užbraukta: отец] г. каноником Незабитовским. Прошу Вас, м.г.м., от меня вручить ему [užbraukta: от меня] приложенное здесь письмо и две книги. Я в Гомеле не имею иных [užbraukta: других как сих книг иных] из числа мною изданных книг, но Вы получите вдобавок некоторые из Петербурга. Покорно Вас прошу и сии [užbraukta: сии отдать сему почтенному канонику отдать от меня] доставить почтенному сему канонику.

Ежели г. Лелевель и Вы судите, что [užbraukta: он] г. Незабитовск[ий] как ученый муж [užbraukta: очень] способен к составлению словаря литовского языка, то я готов бы был войти в объяснение о том участии[и], которое [užbraukta: я] в таковой издержке принять мне бы следовало, ежели бы [užbraukta: оно] сие творение мне посвящено [užbraukta: было] будет.

Вероятно, что я в первых числах [užbraukta: первого и второго] февраля выеду из Гомеля, возвращаясь в Петербург, но вы, кажется, [užbraukta: мне] можете меня и здесь [užbraukta: еще] удостоить еще вашим ответом. [Užbraukta: Очень охотно желая] Желая очень охотно одолжить [užbraukta: вышеупомянутого г. каноника] г. каноника Незабитовича [taip uga rankraštyje.— А. К.] я поручил [...?] статскому советнику Аделунгу отправить в Копенгаген пакет [užbraukta: Вами мне] от него Вами мне доставленный и [užbraukta: в Париж] также один экземпляр [užbraukta: сочинителю Revu] в Париж к издателям журнала Revue Encyclopedique.

[8]

22 янв. 1824

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!⁶⁰

Желая доставить Вашему сиятельству подробные известия о наших ученых успехах, я нарушил важнейшую мою обязанность — принести Вам глубочайшее мое поздравление [с] новым годом. Ныне, повторяя живейшие мои желания о продолжении драгоценных и благодетельных для отчества дней Ваших на многие лета, молю всевышнего бога, да укрепит здравие Ваше, оградит Вас безмятежным веселием и увенчает великие Ваши намерения.

Вашему сиятельству в свое время имел я счастье доносить о поездке моей в Самогитии. Не надеясь на память, я принужден теперь повторить мои известия, чтобы не опустить чего-либо заслуживающего внимание Вашего сиятельства.

В Средниках, местечке недалеко от Ковна, на горах при реке Немени показывают Палемонову могилу⁶¹. В Велионе при той же реке — могилу Гедимины, последнее более имеет вероятности. Далее,

⁵⁹ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 10—10^v.⁶⁰ Ten pat, l. 12—15^v.⁶¹ Palemonas — legendarinis lietuvių bajorijos protėvis.

по берегам той же реки, недалеко от Юрбурга — прекрасный рыцарский замок, принадлежащий ныне генералу Гелгуду⁶², весьма хорошо сохранившийся. Много есть военных окопов и других памятников, принадлежащих ко временам немецких рыцарей. Дворянство балтийских губерний, имевшее столько ревности к собранию исторических известий, не думало, кажется, о сем новом источнике. Всего наиболее обилует сия страна так называемыми великанскими гробовищами, по-польски *olbrzymie groby*, по-жмудски *milzuniu karaу*. В них беспрестанно выкапывают оружие и другие металлические вещи, а особливо принадлежащие к военным уборам и конской сбруе, но между ними есть и такие, о коих нельзя сказать, к чему бы они служили. Таковые гробовища встречаются во множестве и на весьма большом пространстве. У помещика Пашкевича видел я собрание таковых вещей выкопанных. Я нашел большое сходство сих гробовищ с скандинавскими могилами, известными под именем [kapireqgrave?] и, рассматривая их с сей точки зрения, напечатал на польском языке мое исследование в прошедшем году 6-м №-ре *Dziennika* виленского от 145—157 стр., приобщив к сему исследованию описание вещей, виденных мною у Пашкевича⁶³. Я желал обратить внимание поляков на сей предмет и ожидал возражений или дополнений; но ни того, ни другого по сие время не последовало. Всего труднее решить, принадлежат ли сии вещи немецким рыцарям или литовцам. Не относятся ли они к предысторическим временам, поелику между сими вещами весьма часто находят каменные молоты, называемые здесь каменными топорами. Я нашел в Самогиции не более трех ученых, любящих заниматься историческими исследованиями. Это Пашкевич, Увойн и ксендз Незабитовский. Впрочем, из духовных и помещиков есть много людей совершенно разумеющих литовский язык, и издание народного журнала имело бы читателей и писателей. Священники проповеди говорят по-жмудски; как они, так и коренные помещики в обращении с простым народом обыкновенно употребляют сей язык, и сам покойный князь Зубов⁶⁴, имевший обширные поместья в Самогиции и неутомимо занимавшийся хозяйством, объяснялся на сем языке. Жмудины кротостию нравов, набожностию и добросердечием весьма сходны с малороссиянами; также бережливы на платье и опрятны в домах. Вашему сиятельству я уже честь имел доставить рисунок велионских жмудинов⁶⁵, но сии наряды в каждой парафии различны. Народ сохраняет еще в памяти множество сказок, песен и пословиц, коих никто еще не собирал. Он очень любим своим духовенством и помещиками и по сим отношениям народная его словесность может долго еще сохраняться. Я предложил ксендзу Незабитовскому до 28 вопросов, относящихся к образу их жизни и к историческим воспоминаниям народа, на все отвечал он мне с большою удовлетворительностью. Г-н Пашкевич доставил мне толстую тетрадь своих исторических замечаний и изысканий. То и другое вручил я в Петербурге в прошедшем августе г-ну Булгарину для напечатания в «Северном архиве». Кажется, что он не имеет досуга перевести это на русский, а потому и откладывает. Г-н Пашкевич любит писать на жмудском стихи и сльвет наилучшим поэтом. Стихотворения его могли бы

⁶² Gelgudas A. (1792—1831).

⁶³ Straipsnio „Grobų olbrzymie na Zmudzi...“ autorius buvo Lobjka, o Kajetonas Nezabitauskis — autorius straipsnio „Krótki spis niektórych starożytnych zabytków, znajdujących się w zbiorze obywatela prowincyi żmudzkiej Dyonizego Paszkiewicza...“, *Dziennik Wileński*, 1823, II, Nr. 6, p. 157—161; Lobjkos str. yra t. p., p. 145—157.

⁶⁴ Zubovas, P. A. (1767—1822) paskutiniosius metus nūgyveno Joniškių miestelyje.

⁶⁵ Piešiniai daryti Vilniaus universiteto profesoriaus Jono Rustemo (1761—1835).

составить книжку. Впрочем, пишут и другие с похвалою. Симогитская духовная семинария в Ольсядах и епископ Гедройц⁶⁶ могли бы наиболее способствовать успехам литовской истории и языка; но никто из них об этом не думает. С тех пор, как Ваше сиятельство благоволили обратить высокое внимание на сей предмет, сами литовцы почувствовали к нему уважение; с тех пор начали появляться на сем языке светские книги, чего прежде никогда не было, ибо перепечатавали только старые молитвенники литовские. Два студента в университете нашем Незабитовский⁶⁷ и Станевич⁶⁸, природные жмудины, имеют много ревности к отечественному своему языку и готовятся быть писателями по сей части. Последний более подает надежд и занимается филологическим сравнением наречий сего языка. Я уверен, что университет охотно доставит им способы путешествовать в Пруссию для дальнейшего усовершенствования, если только заслужат сего внимания. Жаль, что из прежних благотворителей сей страны никто не старался поощрить молодых людей к изучению сего предмета. Вашему сиятельству я уже докладывал, что каноник Незабитовский собирается составить литовский словарь. Доставляя Вашему сиятельству сии известия, я с сожалением должен признаться, что несмотря на торжественное мое обещание заняться сочинением о литовском народе и языке, я по это время не приступил к делу и принужден откладывать.

По званию профессора я должен преподавать российскую литературу и историю российского государства, но, кроме сего, я по доброй моей воле преподаю историю российской литературы, славянскую грамматику по книге Добровского⁶⁹ и российскую грамматику сравнительно с польскою и славянскою. Все сии предметы стоят мне больших приготовлений, а особливо славянский язык и древняя российская история. В облегчение будущих моих трудов я намерен напечатать на ваканциях для руководства моих слушателей: 1) критическое начертание истории древней российской литературы, 2) сокращенную славянскую грамматику Добровского в виде таблиц, на русском. Я имею теперь в готовности несколько филологических исследований разного содержания, кои намерен я напечатать на польском для распространения понятий о философии и истории слова и лингвистике, к чему здешнее юношество вовсе не приготовлено. Напоследок я чувствую большую необходимость издать для слушателей моих вроде предуготов[ительных] лекций к российской истории — плод Шлецеровых разысканий и собственных моих объяснений на Нестора темные места, к чему также во время приготовления к лекциям моим собрал много записок. Со всеми этими изданиями я не могу показываться в большой ученый свет. Это только для облегчения меня и моих слушателей. К скорейшему исполнению этих предприятий побуждает меня и то, что все здешние профессора и даже адъюнкты издали по своим предметам хорошие пособия, и я как русский профессор, имея подобные сочинения в готовности, не должен подвергаться невыгодным сравнениям и замечаниям. Впрочем, я не осмелился бы обнаружить перед Вашим сиятельством сего побуждения, если бы оно не соединено с другим — споспешествовать успехам здешнего юношества в моих предметах, возбудить в них рвение сделаться

⁶⁶ Juozapas Arnulfas Giedraitis (1754—1838) — Zemaičių vyskupas. Lobjokos priekšštai nėra visiškai teisingi — J. A. Giedraitis nemaža nuveikė Lietuvos gyventojų švietimo srityje.

⁶⁷ Kajetonas Nebazitauskis (1800—1876).

⁶⁸ Simonas Stanevičius (1799—1848) 1822—1826 m. mokėsi Vilniaus universitete.

⁶⁹ Josifas Dobrovskis (1753—1829) — įžymus čekų filologas ir istorikas, slavų filologijos pradininkas, parašęs „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris“.

писателями и привести хотя некоторых из них в состояние пользоваться тем, что издано бессмертными подвигами Вашего сиятельства. Несмотря на то, что мы имеем более 800 студентов, мы почти не видим людей, кои бы желали явиться с достоинством на поприще исторической литературы. Многие основательно выучиваются греческой и латинской словесности, но эти благородные и важные труды остаются в бездейственных руках. Пример Лелевеля яко исторического гения, хотя и обольщает наше юношество, но все оканчивается благоговейным удивлением и прославлением его талантов. Прошедший год было у меня не более 70 постоянных слушателей; теперь до 160.

С глубочайшим моим высокопочитанием и вечною преданностию имею счастье быть Вашего сиятельства всеннейший слуга Иван Лобойко.

14 января 1824. Вильно.

[9]

Лобойко.

М.г.м. Иван Николаевич.

15 янв. 1824 ⁷⁰

Препровождаю к Вам по тяжелой почте один экземпляр Софийского временника, который покорно прошу доставить [užbraukta: верно] г. Линде. [Užbraukta: и в свое] при приложенном здесь на его имя письмо и в свое время меня уведомить, что посылаем [užbraukta: а]ое [užbraukta: сия книга сие] сочинение до него верно дошло.

Удовлетворите мое любопытство [užbraukta: изведайте] узнайте точно [parašyta paraštėje: когда по литовскому статуту [užbraukta: определено] установлено почитать совершеннолетним женское лицо и может ли оно], когда положено в литовском статуте [užbraukta: признает срок почитают юных за совершеннолетних и могут ли женского пола особы] завещать они имение свое тогда, когда [užbraukta: оно] при смерти не имела более пятнадцати лет.

Уведомьте меня, есть ли на жмудском языке печатные книги, oprичь ветхого и нового завета и той книги о пчеловодстве, которую я через Вас получил.

Высокоб[лагородню] И. Н. Лобойко.

[10]

22 янв. 1824 ⁷¹

М.г.м. Иван Николаевич.

С особенным удовольствием получил я письмо [užbraukta: котор], каковым меня удостоить изволили от 14 января и усмотрел из оногo [užbraukta: в нем], с каким [užbraukta: каковым усердием] похвальным рвением занимаетесь Вы преподаванием лекций при университете. Значительная перемена в постоянных слушателях Ваших оправдывает труды Ваши.

Я с любопытством читал начертание Ваше о Самогитии. Наведайтесь пожалуйста, не продает ли г. Паскевич [taip rankraštyje.— А. К.] собранные [užbraukta: им в сей стране] там в гробах древних вещи, в таком случае пришлите мне им реестр с показанием цены.

Питайте пожалуйста в двух [užbraukta: ваших] студентах вашего университета гг. Незабитовском и Статевиче [taip rankraštyje.— А. К.]

⁷⁰ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. 1. 11.

⁷¹ Ten pat, l. 16—16^v.

склонность, которую они показывают к изысканиям отечественных древностей.

На основании той похвалы, которую Вы воздаете пивовару, [užbraukta: который служил] служившему у графа Чапского, я готов его принять в свою службу и договориться с ним года на три и даже более, но прежде прошу Вас точно отобрать у него и мне доставить сведения, какие именно, кроме жалованья, ожидает он еще и получал у графа Чапского хозяйственные выгоды.

Отъезжая вскоре в Петербург, я прошу Вас, м.г.м., в рассуждении сего пивовара дать мною [užbraukta: мне] желаемый ответ Павлу Ивановичу Мошинскому через письмо Ваше. Адрес его при сем прилагаю.

Примите при окончании сего письма мою признательность за приветствие Ваше по случаю нового года и от меня взаимное поздравление и пожелание вам всех благ.

Его высокоб[лагородию] И. Н. Лобойко

[11]

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!⁷²

Я имел приятнейшее удовольствие получить письма Вашего сиятельства от 11 января и от 15 того ж месяца. Два экземпляра Софийского временника, доставленные по повелению Вашего сиятельства в Вильно, будут доставлены при первом случае, один в Варшаву для Линде через посредство книгопродавца Завадского⁷³, а другой к канонику Незабитовскому в Росенский повет, в Велюну. Письмо же Вашего сиятельства вместе с моим по почте к нему отправлено. О прочих предметах по содержанию сего Вашего письма незамедлю ответить, собрав нужные сведения. Ныне спешаю на предлагаемый Вашим сиятельством вопрос: «узнать, когда по литовскому статуту установлено почитать совершеннолетним женское лицо и может ли оно завещать имение свое тогда, когда при смерти не имеет более пятнадцати лет».

В литовском статуте о сем случае решительного положения нет. В VI разделе артикуле I-м для совершеннолетия мужчины полагается 18 полных лет, а для женщины — тринадцать полных лет. В практическом судопроизводстве сей закон относится только до права женщины после 13 лет вступать в замужество. По конституциям польским, внесенным в литовский статут, женщина должна всю жизнь находиться под опекой или родителей, или мужа, или избранных опекунов, без участия коих она не имеет распоряжать[ся] и завещать имения. В практике совершеннолетие женщины, дабы иметь ей право завещать имение, полагается 18 лет. Недавно сенат по делу помещика Белостокской области Остроменского, которому жена на 20-м году завещала имение, а родственники хотели опровергнуть тем, что по российским законам должно ей иметь 21 год, утвердил за мужем имение, полагая, что для сего достаточно 18 лет. В разделе VIII артикуле I-м сказано: несовершеннолетние не имеют права завещать имений. Ответ этот доставляю Вашему сиятельству по справкам нашего профессора Даниловича.

⁷² CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. 1. 18—19.

⁷³ Juozapas Zavadzkiis (1778—1838) — žinomas Vilniaus spaustuvininkas ir knygu leidėjas.

С глубочайшим моим высокопочтанием и неограниченною преданностию имею честь быть Вашего сиятельства всенижайший слуга Иван Лобойко.

Вильно, 30 января 1824.

[12]

15 апреля 1824

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!⁷⁴

Давно уже имел я счастье получить письмо Вашего сиятельства от 4 марта. Болезнь моя, от которой я оправляюсь, и бедствия университета, приметно уменьшаясь, но еще не кончившиеся⁷⁵, препятствовали мне исполнить повеление Вашего сиятельства столь согласное с собственным моим желанием доставить почтеннейшему отцу протоиерею Иоанну Григоровичу списки белорусских пергаментных грамот, хранящихся в архиве виленского римско-католического кафедрального собора, и других старинных записей и документов. Ныне все сие с сею же почтою в Гомель отправлено на имя отца протоиерея. Некоторые из сих списков сделаны вдвойне — facsimile и просто; сверены несколько раз с оригиналами мною самим и с другими знатоками. Если выйдет из печати I-я часть собрания белорусских грамот, издаваемая покровительством Вашего сиятельства, тогда яснее нам можно будет видеть, какого рода требуется для сего материалов. Я имел честь послать Вашему сиятельству и прежде несколько списков таковых грамот, кои ныне хранятся в библиотеке Вашей под ведением профессора Плисова⁷⁶. Может быть, отец протоиерей мог бы и из них сделать какое-либо употребление. Не могу вспомнить, с каких грамот они списаны и какую они имеют важность, поелику не имел времени оставлять у себя копий с писем к Вашему сиятельству. Если это будет нужно, то благоволите приказать отыскать в моих письмах.

В продолжение сего печального для нас учебного года ни одна ученая новость не доставляла мне столько радости, как издание белорусских грамот под покровительством вашего сиятельства. Сими памятниками наполнены еще и поныне большая часть общественных и частных архивов во всех губерниях, от Польши присоединенных к России. Невозможно, чтоб история и филология не извлекли из сего доньше неприкосновенного, но богатого источника ощутительной пользы. С первого взгляду можно видеть, что история российского языка, о которой мы только еще начинаем думать, найдет в сем источнике весьма важную подпору. Один из основательных русских ученых недоволен на Строева⁷⁷ за то, что он при издании Софийского списка так мало пользовался другими. В самом деле он не разрешает прежних наших недоумений, какое чтение более подходит к настоящему, несмотря на то, сие издание при нынешнем состоянии нашей исторической словесности весьма важно и полезно, и потому весьма хорошо, что г-н Строев, оставаясь в тесных пределах, произвел свой труд тщательно и скоро, не муча нас так, как другие издатели, бесконечным долготерпением. Впрочем, ничто бы ему не мешало присовокупить к тому словарь невразумительных речений, по крайней мере вроде опыта. Часто самые трудные слова можно объяснить, нашедши их повторенными

⁷⁴ CVSAA, f. 17, saug. vien. Nr. 61, pap. 1. 21—24*. Šio laiško ištrauka duodama leidinyje „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 311.

⁷⁵ Kalbama apie filomatų-filaretų bylą.

⁷⁶ Plisovas, M. G. (1782—1853) — Peterburgo universiteto profesorius.

⁷⁷ Strojevas, P. M. (1796—1876) — žinomas archeografas.

в нескольких местах; те, до знаменования коих с точностию дойти нельзя, можно оставить в словаре без объяснения, означая все страницы, где они встречаются; но самая большая часть слов, по моему собственному удостоверению, объясняется из польского и белорусского наречия. Почему при настоящем издании Вашем белорусских грамот я не могу скрыть перед Вашим сиятельством чрезмерного моего желания, чтобы к оному присовокуплен был словарь, объясняющий невразумительные для россиян речения. Сие тем с большим удобством можно произвести, что памятники восходят не далее XV столетия; литовский статут сохранил еще и поныне ясные следы прежней гражданской жизни и отношений с старыми адвокатами и архивистами. Белорусский язык еще не истребился; на нем говорят еще и поныне проповеди по сельским церквам. Могилев почитается средоточием Белоруссии, где подгородные мещане по ту сторону Днепра и теперь еще весьма хорошо говорят сим наречием. Гомель находится в Белоруссии, а почтенный отец протоиерей Григорович, издатель белорусских грамот, в самом Гомеле. При сих столь живых и верных пособиях объяснение слов можно произвести с совершенною точностию. Тогда сей словарь может оказать важную услугу не только при чтении белорусских грамот, но и при чтении государственных грамот, Вашим сиятельством в Москве изданных; не только при чтении белорусских книг и других памятников сей литературы, но и при чтении русских летописей. Не смея обременять Ваше сиятельство многими излишними для Вас доказательствами в подтверждение сего последнего мнения, я осмеливаюсь привести только одно. Когда я в с. п[етер]бургском обществе соревнователей просвещения читал мои списки белорусских грамот, желая доказать членам, что сей язык столь близко подходит к польскому, что между ними нет других пределов, кроме грамматических форм русского языка и русских букв, тогда г-н Рылеев⁷⁸ (издатель «Полярной звезды» и весьма уважаемый мною поэт) оспаривал, будучи новгородским уроженцем, мое мнение, говоря, что все те слова, кои я называю польскими, существуют еще и поныне в простонародном новгородском наречии, с сим соглашались и другие члены. В истории Карамзина, там, где он пользуется настоящими русскими летописями и актами, введены в самый текст многие слова ныне нам непонятные и кои бы я в другом случае готов объявить белорусскими или польскими. Г-н Ходаковский, определяя округ кривецкого диалекта одной природы с белорусским, включает в сии пределы Псковскую, Новгородскую и Тверскую губернии. Все сие приводит к давней филологической аксиоме, что диалекты одного какого-либо языка, чем они ближе к своему происхождению, тем менее между ними разности и тем более общих слов.

Студент Незабитовский недавно издал *жмудский букварь*⁷⁹, напечатанный иждивением ксендзов миссионеров виленских в 4000 экземплярах. В конце сего букваря помещена вся литовская литература, простирающая[ся] до 70 сочинений. Жаль только, что сии известия тоже сообщены на жмудском языке. Для любопытства пять экземпляров Вашему сиятельству при сем препровождаю. Я советовал ему и Станевичу заняться собранием литовских песен и новых жмудских стихотворений, кои можно бы напечатать с дословным польским или российским переводом. На господина Пашкевича, жмудского ученого и поэта, действовал мой к нему приезд и слова. Он занимается историческими исследованиями. Одно из таковых оставил я у Булгарина для напеча-

⁷⁸ Rylejevas, K. F. (1795—1826) — poetas-dekabristas.

⁷⁹ Naujas mokslas skaytima diel mažū waykū Zemaycziu yr Lietuwos (<..> par Kačetona Niezabitawski (<..>) Wilniuje 1824.

тания, другое получил я от сочинителя недавно, под названием «*О древних языческих богослужебных обрядах в княжествах литовском и жмудском*»⁸⁰. Сочинитель описывает понятия сего народа о боге и богах, сравнивает оные по большому сходству с мифологиею египтян, греков, римлян и индийцев, описывает празднества и обряды, открывая их следы и поныне или в древних записях и документах, или в народных играх и суеверных обрядах; замечает, что некоторые из языческих обрядов приняты или допущены римско-католическим духовенством в христианство; упоминает о идолах почти в его памяти истребленных и сообщает между прочим весьма любопытное известие, которое при сем помещаю для любопытства. «Один помещик Шавельского повета г-н G. между документами на имение, купленное у другого помещика, нашел отметку, что в старом пруде недалеко от гребли (плотны) затоплено несколько пудов олова и меди, также четыре фунта золота. Он приказал копать сей пруд и вынимать землю, смотря прилежно за работою. Через несколько дней нашел он четыре фунта золота, не в одном куске, но из 12 языческих божков вылитых из золота, кои были обернуты березовою корою. Божков этих видел мой родственник С... собственными глазами, они были разных видов — одни с преобладающими носами, другие с рогами; некоторые в виде змеи с человеческою головою, у иного одна только голова на прутике длиною в несколько дюймов на конце крючком загнутом, двое только было сходных; некоторые были в виде женщины, но все вообще странного вида и грубой работы. Родственник мой, не будучи в состоянии купить сих божков, советовал богатым помещикам Р..., но сии поскупились потерять проценты. Я, будучи весьма недостаточным помещиком, хотел заставить свою деревушку, чтобы приобрести сей скарб древности, чтобы представить государю императору для музея с возвратом употребленных мною денег, но жиды успели это купить за полцены и переплавили», — слова Пашкевича.

Прошедшим летом в Петербурге имел я удовольствие видеть печатные листы финского словаря, издаваемого бессмертным покровительством Вашего сиятельства; а ныне уведомился, что 1-я часть уже отпечатана. Г-н Шегрен когда-то рассматривая и перечитывая вместе со мною литовский словарь Ругига⁸¹, находил довольно много слов сходных с финскими. Если бы Вашему сиятельству при нынешнем столь важном пособии с изданием 1-й части финского словаря показалось сие сравнение достойным ученого любопытства, то нашлось бы здесь довольно много охотников им заняться. Между коими отдал бы я преимущество старому Увойну, живущему в самом центре Самогитии в своем маленьком поместье, очень хорошему филологу и лингвисту. При сем имею честь донести, что ученые наши литовцы готовы с величайшим удовольствием исполнить все поручения Вашего сиятельства, как скоро они будут им по силам. В заключение осмеливаюсь прислать Вашему сиятельству с глубочайшим моим высокопочтанием и неограниченною преданностию усерднейшее поздравление мое светлым Христовым праздником, пребывая навсегда и почитая за счастье быть Вашего сиятельства всенижайшим слугою Иван Лобойко.

30 марта 1824 Вильно.

⁸⁰ Sio Poškos veikalo rankraštis yra Krokovoje, Mokslų Akademijos bibliotekoje (Nr. 1835): „O starożytnych obrządkach religijnych pogańskich w księstwach Litewskim i Zmuydzkim“ (rankr. p. 176—207). Veikalo ištraukos buvo spausdintos „Darbai ir dienos“, t. VII, p. 303—304; visas veikalas ištiesai išspausdintas leidinyje **D. Poška**, Raštai, V., 1959, p. 330—417. Tame pačiame D. Poškos rankraščių rinkinyje atsakymai į I. Lobjokos klausimus apie Lietuvos senienas (rankr. p. 207—218) išspausdinti minėtoose D. Poškos „Raštuose“ p. 506—543.

⁸¹ Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Lexicon (<...> Karaliaučius, 1747.

М.г.м. Иван Николаевич!

Я с большим удовольствием как и всегда получил Ваше письмо, каковым меня удостоить изволили от 30 марта, и премного Вам благодарен за то, что [užbraukta: уже] отправили в Гомель на имя отца протоиерея [užbraukta: Иоанна] Григоровича те [užbraukta: бумаги] документы белорусские, которые в Вильне [užbraukta: вы] отыскать Вы изволили.

Я совершенно с вами согласен [užbraukta: в том] упреки, сделанным [taip uga gankraštyje.— А. К.] г. Строеву, но между нами будь сказано, я даже с большим трудом его склонил на составление того реестра, который при издании Софийского временника находится, и заплатил за сей труд дорого. Желание же Ваше, которое Вы [...?] изустно [užbraukta: мне] представили мне о прибавлении [užbraukta: такого] подобного же реестра к [užbraukta: изданию] архиву белорусских грамот я передал отцу протоиерею Григоровичу и очень настоял на том, чтобы он выполнил Вашу мысль.

Благодарю Вас, м.г.м., за присланные буквари жмудского языка, но пожалуйста потребуйте с меня то, что на покупку их издержать изволили. Не скрою от Вас, что очень желаю появления литовского и жмудского словарей и с благодарностью бы принял, ежели сии словари [užbraukta: будут мне] на имя мое посвящены были бы.

Первый том финского словаря отпечатан и [užbraukta: оно] один экземпляр оно к вам при сем с удовольствием препровождаю для собственной Вашей библиотеки, а другой прошу от меня взнест в библиотеку Виленского университета. Премного радуюсь, что буря, постигшая Виленский университет, наконец утихает и теплые [прилагаю?] молитвы, чтобы везде заниматься просвещением в мире и в [тн-шине?]

Препровождаю к вам две выписки любопытные из сочинения г. Қалайдовича об Иоанне экзархе болгарском⁸³. Из одной вы усмотреть изволите, что в рукописи [užbraukta: Иоанна экзарха] свидетельствуется отметкою, будто бы грамматика славянского языка [užbraukta: напечатан] сочинение вышеупомянутого экзарха напечатано было в Вильне в 1586 году. Побеседуйте об этом с г. Лелевелем и посредством письма Вашего также с Банд[т]ке в Кракове, известно ли в Польше [užbraukta: что существовала] такое издание и можно ли мне за деньги оную печатанную грамматику приобрести.

Получа от одной дамы из Пулавы письмо [užbraukta: дабы мой ответ до ее дошел вернее решил] я решил мой к ней ответ [užbraukta: его] здесь Вам [užbraukta: препроводить] препроводить, дабы он дошел верно и покорно [užbraukta: призываю, чтобы вы сие письмо ей доставили], дабы мой ответ до нее дошел вам, м.г.м., прошу ей сие письмо доставить [užbraukta: оной].

⁸² CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 25—25^v.

⁸³ Joanas, Bulgarijos egzarchas, caro Simeono bendradarbis jo šviečiamojoje veikloje (X amž.), išvertęs Jono Domaskiečio graikų kalbos gramatiką ir pritaikęs ją slavų kalbai. Kalaidovičius išleido apie jį darbą Maskvoje 1824 metais.

И. Н. Лобойко.

1 октября 1824 г. Гомель⁸⁴

Благодарю Вас за 2-е письмо, каковым меня удостоить изволили, одно давно, а другое 22 сент.⁸⁵

Нельзя не сожалеть о том, что Виленский университет теряет столь ученого мужа, каков г. Лелевель⁸⁶. Я постараюсь вскоре доставить к Вам для него экземпляр экзарха болгарского Иоанна. Весьма любопытный труд г. Калайдовича. Препровождаю к Вам благодарственный ответ ксендзу Цецерскому за доставленные мне копии с разных грамот, двух портретов и три медали. Дайте мне пожалуйста знать, чтобы я мог послать ему в воздаяние и примерно как судите, в какую именно цену.

Ученый Раск пишет ко мне, сколь бы желал он видеть издание самогитского лексикона. Мне помнится, что Вы обещали мне, что тот ксендз, к которому пишу, таковым сочинением занимается. Препроводите пожалуйста к нему выписку из письма, полученного мною от г. Раска, я ее здесь прилагаю.

Мне известно, что г-н Дорошевич, директор полоцких училищ, сделал Виленскому университету предложение к повышению его чином на основании законов. Постарайтесь пожалуйста, чтобы течение сего дела не позамедлилось, а скоро получило бы свой успех. Вы меня тем крепко од[о]лжите. Я в г-не Дорошевиче беру большое участие.

Хотя я уверен, что отец протоиерей Григорович послал уже к Вам 1-ю часть Белорусского архива, я с своей стороны препровождаю также экземпляр в знак моего особенного к Вам внимания. Продолжайте пожалуйста переписку со мною и примите уверения в том отличном почтении, с коим имею честь быть и [прочее].

[15]

ответствовано 17 марта

Сиятельный граф!
Милостивый государь!⁸⁷

Я имел счастье письмо Вашего сиятельства от 10 февраля⁸⁸ получить. Родители Малевского⁸⁹ и я весьма тронуты были великодушным и милостивым Вашего сиятельства извещением о их сыне и о том, что он имел счастье обратить внимание Ваше. Они еще не получили от него письма и тем более обязаны Вашему сиятельству неограниченною благодарностию. Старик Малевский повторит сам Вашему сиятельству сии чувствования.

Зная по собственному опыту глубокое почтение и привязанность высокопреосвященного митрополита Евгения к особе Вашей, я могу себе со всею живостию вообразить то удовольствие и радость, коими сей знаменитый архипастырь преисполнен был при свидании с тем, коего ныне вся Европа считает величайшим покровителем наук после монархов.

⁸⁴ CVSAA, f. 17, saug. vien. Nr. 61, pap. l. 105—105^v.

⁸⁵ Ten pat, 106 l., Lobjka rašė apie atostogas, praleistas Peterburge.

⁸⁶ Profesorius Lelevelis buvo pašalintas iš universiteto ryšium su filomatų byla.

⁸⁷ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 87—88.

⁸⁸ T. p., l. 89. Rumiancevas rašė, kad pas jį Homelyje buvo Malevskis ir kad jis tarnaus pas Voroncovą.

⁸⁹ P. Malevskis (1799—1870) — universiteto rektorius S. Malevskio sūnus. S. Malevskis buvo rektoriumi nuo 1816 iki 1822 metų.

Письмо и при [. . . ?] экземпляра экзарха болгарского для доставления профессору Лелевелю поручил я книгопродавцу нашему Завадскому, который имеет частые сношения с Варшавой. Думаю, что Вашему сиятельству уже известно, что будущего мая откроется в Варшаве в присутствии государя императора государственный сейм. Экземпляры о литовских законах Чацкого⁹⁰ редки и продаются по 20 рублей серебром. Евангелия в 1644 были печатаны в Киеве и Москве. Виленское того ж году мало должно иметь разницы от киевского. Сопиков⁹¹ его не означает. Мы думаем, что за хорошо сохранный экземпляр можно заплатить до 15 руб. серебром. Господин Буссе Карл Иванович⁹² теперь управителем дел при попечителе нашего университета Новосильцеве⁹³, а потому и проживает он большею частию в Вильне, где и теперь находится.

Пашкевич, небогатый помещик Росиенского повета Виленской губернии, первый поэт на жмудском наречии литовского языка и собиратель древностей, преклоняясь к старости, жертвует вашему сиятельству все небольшое свое собрание выкопанных в рыцарских гробах Самогиции вещей, кои публикованы и описаны были в виленском журнале Марциновского 1823 года⁹⁴. Он желает, чтобы сии вещи приняты были в Ваш музей в С. Петербурге, где бы ученые могли ими пользоваться для своих разысканий. Отослать их прежде лета не можно и еще не знаю, какой я придумаю к тому способ. Через неделю доставлю Вашему сиятельству краткое описание сих редкостей, а между тем я попрошу Пашкевича Дионисия, чтобы он сам сделал подробное описание с означением, где каждая вещь найдена.

Примите свидетельство неограниченного моего высокопочитания и вечной преданности к особе Вашей, Ваше сиятельство!

Ваш всенижайший слуга Иван Лобойко.

2 марта 1825 г. Вильно.

[16]

Ив. Н. Лобойко.

Гомель 17 марта 1825⁹⁵

Благодарю Вас за письмо, каковым удостоить меня изволили 2 марта. Я много тем обрадован, что родителям Малиновского доставил о нем хорошие известия прежде, нежели они получили от него письмо.

Я, конечно, очень тронут благосклонным ко мне расположением г. Пашкевича, но прежде, нежели принять от него собрание ему принадлежащих древних вещей, отысканных в рыцарских гробах Самогиции, я покорно Вас прошу доставить мне сим роспись и с откровенностию сказать, чем бы мне за них можно было г-на Пашкевича отдарить.

Один из гг. директоров поветовых в Витебской губернии училищ, с коим я веду переписку для меня очень полезную уверяет, что в известном Вам местечке Видзах⁹⁶ [ištaisyta: из Видзах] хранятся весьма многие древние документы. Вы меня, м.г.м., премного обяжете, ежели

⁹⁰ Tadas Cackis (1765—1813). Garsus yra jo veikalas „O litewskich i polskich prawach“, Warszawa, 1800—1801.

⁹¹ Sopikovas, V. S. (1765—1818) — žinomas bibliografas. «Опыт российской библиографии» 5 dalių, išėjo 1813—1821 metais.

⁹² K. I. Busė buvo N. P. Rumiancevo sekretorius.

⁹³ Novosilcevas, N. N. (1761—1836) nuo 1824 m. buvo Vilniaus mokslo apygardos globėju. Nacionalinio išsivaduojamojo judėjimo persekiotojas.

⁹⁴ A. Marcinovskis (1781—1855) nuo 1819 lig 1830 m. buvo žurnalo „Dziennik Wileński“ redaktoriumi; nuo 1817 ligi 1839 m. leido „Kuryer Litewski“.

⁹⁵ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 86.

⁹⁶ Vidžiai — miestelis, 25 km nuo Dūkšto.

приложите старание разведывать, правда ли это, и в таком случае, хотя по догадке, мне сказать, какого рода бумаги и почему в Видзах находятся.

С совершенным почтением и проч.

[17]

ответствовано 14 апреля

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!⁹⁷

Опись выкопанных из самогитских могил вещей, назначенных Пашкевичем в дар вашему сиятельству при сем препровождается. Могилы, из которых они добываются, известны в Самогитии под названием *tułżynių karaų*, т. е. рыцарские или богатырские гробы. Устроит[ельство] их бывает такое. Избирается в поле ровное место для погребения и окружается небольшими камнями, как кажется, с тем намерением только, чтобы предохранить оное от плуга, ибо чрез сии камни удобно перешагнуть можно. Погребенные остатки закопаны не глубоко.

Оны[e] могилы или паче ограждения имеют форму овала, коего большой диаметр до 15 аршин. Таких могил в Самогитии можно найти теперь до 200, несмотря на то, что многие изгладились. Устроение сих могил весьма сходное с скандинавскими, как то можно видеть из сочинений *Majora Arnkiela, Ch. D. Rode, Cammerer-a, Krysing-a*, но всего более из *Westphalen monumenta [inedita...]*. При сочинениях *Arnkiel-a, Cammerer-a, Westphalen-a*⁹⁸ находится множество рисунков, изображающих выкопанные вещи, а потому весьма любопытно собрание Пашкевича для сравнения с оным. Выкапываемые оружие, браслеты, сбруя, пряжки и пр. не только добываются в могилах подобным образом устроенных в Скандинавии, но даже в Гольштинии, Мекленбурге, Франции и Польше. Что касается до могил в Скандинавии, то все они уже по большей части запаханы и разрыты поселянами; в Самогитии они по большей части остаются неприкосновенными. Пашкевич, посвящая сие собрание вашему сиятельству, не думал о вознаграждении, впрочем, если на сие есть неперменная воля вашего сиятельства, можно будет определить оное тогда, когда сии вещи будут к вам в П[етер]бург доставлены.

Пашкевич столь огромного роста, что ни выкопанные шишаки, ни панцири на него не приходятся. У него преогромная чернильница, перо индючье и все в большом размере. Если дарить ему табакерку, то надобно не малой. Он весьма ограниченного достатка. Теперь, Ваше сиятельство, позволяйте обратить Ваше внимание на литовский самогитский словарь, который издавна уже есть предметом Ваших желаний. Для совершения сего труда представляются двое ученых из первых знатоков сего наречия. Первый из них есть каноник Незабитовский, посвятивший Вам на сем наречии сочинение о пчелах, другой — Дионисий Пашкевич, представляющий в дар собрание Вашему сиятельству. Незабитовский прислал уже мне часть составленного им словаря от А до J, который я теперь при помощи студентов и клериков жмудинов пересматриваю. Предварительное мое замечание есть следующее. Он будет очень полон, но без фразеологии и только с польским переводом.

⁹⁷ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 81—84^v. Ištrauka buvo saUSDinta „Darbuose ir dienose“, t. VIII, p. 312.

⁹⁸ Tai XVIII a. autorių darbai apie skandinavų ir vokiečių senkapių tyrinėjimus, kuriuos cituoja Lobjka savo straipsnyje „Groby olbrzymie ĩa Zmudzi...“—„Dziennik Wileński“, 1823, II, p. 155—156.

Без сомнения, достанется мне быть его редактором. Я напишу хорошее предисловие. В таком роде, как я требовал от [Ренвалля-а?] я должен отметить сходство слов с греческим, латинским, немецким и славенским или русским, ибо Незабитовский не в состоянии этого сделать. Должно мне также иметь хорошего корректора для самогитского и польского. Незабитовский ограничивается только словами, находящимися ныне в обращении; старинных он не берет, да и едва ли в состоянии их объяснить. Он не имеет филологического характера, даже нельзя, кажется, от него требовать приобщения латинского объяснения слов, что почти необходимо. При всем том скорее всего можно от него надеяться окончания сего труда. Он совершенно знает сие наречие, живет над Неманом, на границе Литвы, Польского королевства, Прусской и Самогитской, богат по своему состоянию, имеет много досуга, а о ревности его можно удостовериться из сих слов его: «Видя, как вокруг многие неожиданно умирают, я должен чрезвычайно спешить моею работою, чтобы не умереть, не окончив.» Пашкевич гораздо его учнее, но он принужден в поте лица своего [ме. .?] хлеб свой. Труд его не может идти так поспешно. Притом, живя в бедной своей деревушке, он не имеет столько живых пособий, сколько каноник, имеющий в плембани своей до 200 душ, живущий на большом тракте в самой обширной парафии. Впрочем, Пашкевич тоже намерен заняться этим трудом и на сей конец просит ему прислать латинско-русский и латинско-польский словарь. Пашкевич по-латыни знает превосходно.

Я полагаю, что можно бы их обоих занять с пользою следующим образом: пусть каноник Незабитовский продолжает свой словарь, как начал, описывая жмудский язык в нынешнем его состоянии и только с переводом польским. Пусть Пашкевич составляет латино-жмудско-русско-польский словарь, как он этого сам желает. Жмудский или вообще литовский находится в тесном отношении со всеми сими языками. Таким образом он будет род сравнительного словаря. Им могут пользоваться ученые всех европейских народов при своих филологических и исторических разысканиях.

Ваше сиятельство без всякого воззвания нашего благоволили неоднократно изъявить желание споспешествовать покровительством вашим сему труду; я не могу решить, достойны ли сии предприятия Вашего высокого внимания.

Я недавно получил письмо от профессора Лелевеля из Варшавы. Он занимается между прочим нумизматическим описанием старинных монет, выкопанных недавно в большом количестве близ Плоцка в Мазовии. Он пересмотрел их более 200, одни из них суть а[н]глийские от 950—1046 года, несколько есть чешских и немного венгерских, польских он не нашел. Деньги сии, без сомнения, говорит он, закопаны были в 1047 году, когда дошло до решительного сражения между Маславом и королем Казимиром⁹⁹. Таким образом, находились они в земле 777 лет. Они проливают немалый свет на тогдашнюю торговлю и на знаменитое правление Маслава, также показывают большое влияние Канутов¹⁰⁰, королей датско-англи[й]ских; на летопись Прокоша¹⁰¹. Лелевель готовит рецензию, которая напечатана будет в Петербурге¹⁰².

⁹⁹ Kazimieras Atnaujintojas (1016—1058) — Meškaus II sūnus. 1047 metais jis nugalėjo Maslavą.

¹⁰⁰ Kanutas — kelių Danijos karalių vardas; garsiausias iš jų — Kanutas Didysis (XII a.).

¹⁰¹ Prokošas — pramanytas lenkų X a. kronikininkas; kronikos autorius, tur būt, buvo P. Djamentovskis (XVIII a.).

¹⁰² Lelevelio darbas apie Prokošą buvo išspausdintas 1825—1826 m. žurnale „Biblioteka polska“.

Я теперь получил первое письмо от профессора Даниловича из Харькова. Я неограниченно благодарен Вашему сиятельству за внимание Ваше к нему, коим благоволили по великодушию Вашему утешить. Он весьма охотно желает исполнять Ваши поручения, но крайне сожалеет, что библиотека Харьковского университета не доставляет никаких пособий в предметах до Литвы относящихся.

Четыре весьма важных документа для Белорусского архива, собственноручно списанных доктором богословия отцом Сосновским¹⁰³ и мною с ним вместе с подлинниками сверенных, отцу протоиерею Григоровичу при сем препровожаю.

В прошедшем году одного из первых и отличнейших студентов юридического отделения склонил я отправиться в Москву с разными учеными на него видами. Г-н Калайдович Константин, профессор Каченовский¹⁰⁴ и Мерзляков¹⁰⁵ отзывались об нем наилучшим образом. Он представлен прошедший год вместе с другими в кандидаты, но сие представление целый год по департаменту просвещения остается без действия и препятствует ему по вступлению в службу. Имя его Фелициан Тустановский, воспитывался до университета в Кременце. Если бы Ваше сиятельство благоволили вспомнить о нем при свидании с министром Александром Семеновичем¹⁰⁶ или даже Дмитрием Ивановичем Языковым¹⁰⁷, то си[и] решили бы утверждение его в сию степень, которой он с таким томлением ожидает. Г-н Калайдович дал с своей стороны Тустановскому надежду поместить его в государственном архиве коллегии иностранных дел, чего бы и я весьма желал; но сие зависит от сенатора Малиновского. Поелику многие из наших виленских студентов принадлежали к тайному обществу, навлекшему неудовольствие правительства, то сие распространило на всех наших студентов столь невыгодный свет, что и самые невинные от того страдают. Тустановский замечает, что сенатор Малиновский также в нем сомневается. Но если бы только сделан был о нем вопрос, то я в состоянии представить от самого сенатора Новосильцева, нашего попечителя, удостоверение о его беспорочном поведении. Для меня бы было весьма вожделенно, если бы во время проезда вашего через Москву Калайдович доставил бы ему счастье представиться Вашему сиятельству.

Сенатор Новосильцев со всею своею канцеляриею выехал 24 марта из Вильны в Варшаву приготовить дела к открытию государственного сейма. Буссе тоже с ним уехал.

Принося Вашему сиятельству душевное мое поздравление Христовым воскресеньем с пожеланием совершенного здравия, прошу удостоить внимание Вашим чувствования глубочайшего моего высокопочитания и вечной преданности к особе Вашей, сиятельнейший граф! Милостивый государь! Ваш всенижайший слуга Иван Лобойко.

О Видзах я не успел еще собрать никаких известий. Не премину о том донести.

Вильно, 29 марта 1825.

¹⁰³ Sosnovskis, A. J. (1775—1852) — Brastos kanauninkas.

¹⁰⁴ Kačėnovskis, M. T. (1775—1842) — Maskvos universiteto profesorius.

¹⁰⁵ Merzliakovas, A. F. (1778—1830) — kritikas ir poetas, Maskvos universiteto profesorius.

¹⁰⁶ Svietimo ministru 1824—1828 m. buvo A. S. Siškovas.

¹⁰⁷ Jazykovas, D. I. (1773—1845) — rašytojas ir vertėjas, buvo liaudies švietimo departamento direktoriumi.

И. Н. Лобойко.

Гомель 14 апреля 1825¹⁰⁸

Благодарю Вас за письмо, каковым меня удостоить изволили 29 марта с приложениями. Ваша переписка приносит мне особое удовольствие: Вы в ней всегда [предоставляете?] мне сведений множество обдуманно и в большом порядке, что не часто я нахожу, переписываясь с иными особами.

Свидетельствуйте пожалуйста г. Пашкевичу мою благодарность за прелюбопытный сделанный мне подарок собранных им литовских древностей и примите на себя труд переслать их на мой счет в Петербург на адрес А. Х. Востокова¹⁰⁹, прося его по моему поручению, чтобы он их вскрыл, осмотрел и тщательно берег до моего в Петербург возвращения, что не прежде воспоследует, как в самых последних днях июля месяца. Предварите о том г. Пашкевича, чтобы он не подивился, что до тех пор от меня не получит непосредственного отзыва.

Когда я сам сии вещи осмотрю, я, конечно, к нему писать буду и прошу Вас теперь же мне прислать полный адрес на русском языке. Я без сомнения продолжаю желать издания на моем иждивении литовского самогитского словаря и, судя по сделанному вами начертанию о двух трудах подобных, один плод не только познания [его?] языка, но даже учености г. Пашкевича, другой плод, хотя и похвальный, но достоинства не равного, каноника Незабитовского; для меня нет сомнения, что следует предпочесть лексикон сочинения г. Пашкевича. Завладейте Вы, м.г.м., этим делом. Будьте моим именем блюститель и редактор такого лексикона на тех правилах и по тому плану, как Вы в письме Вашем ко мне начертать изволили. А дабы дело сие составить общепользным образом для всех ученых, строго держитесь правила, чтобы всякое слово получало объяснение себе на латинском языке. Пришлите пожалуйста мне таковому изданию гадательную смету и скажите мне, может ли оно совершено быть в Вильне.

Ежели г. Незабитовский считает, что он начал свой подобный труд по моему вызову и мне в угодность, чего, кажется, достоверно сказать нельзя, то нечего будет делать иного, как печатать и его произведение, но позже и по возможности сократить издержки.

Вы меня много порадовали, дав мне знать о важной находке в Мазовии близ Плоцка древних монет и что ученый свет будет вскоре с ними познаномен трудом знаменитого Лелевеля. Коли не ошибаюсь, сия находка поведет к многим новым заключениям. Жалею, что в числе сих монет Вы не упоминаете ни об одной русской. Пожалуйста спросите у г. Лелевеля и дайте мне точно знать, где его ученое издание сих монет совершится; гравированное их изображение будет ли довольно искусно, кто понесет издержку сего издания и во сколько оно станет. Уведомьте меня также, можно ли приобрести куплею и за какую цену. Хотя бы и по окончании издания описание оного.

Свидетельствуйте пожалуйста мою благодарность доктору богословия отцу Сосновскому за те списки важных [...] документов для белорусского архива, кои Вы прислали о. протоиерею Григоровичу.

С большим удовольствием, не выжидая своего возвращения в Петербург, готов я домогаться у министерства просвещения на пользу Густановского. Что же касается до помещения его при архиве комиссии иностранных дел, я точно об этом домогаться [...] и имея себе в сена-

¹⁰⁸ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 79—80^v. Ištrauka buvo išspausdinta leidinyje „Darbai ir dienos“, t. VIII, p. 312.

¹⁰⁹ Vostokovas, A. Ch. (1781—1864) — įžymus rusų slavistas.

торе Малиновском друга, в том, однако, получил отказ и, ежели не ошибаюсь, основанный на том, что ему сделано замечание от начальства, что слишком много по архиву принимается молодых людей.

Вы меня одолжили, что дали мне знать, что г. Буссе из Вильны выехал и отправился в Варшаву.

С признательностью получив от Вас в письме Вашем приветствие по случаю праздника Христова воскресенья, прошу и мое поздравление принять и искреннее пожелание Вам здоровья и благополучия. С совершенным почтением и проч.

[19]

И. Н. Лобойко.

Гомель 5 июня 1825¹¹⁰

При получении письма, какрвым меня удостоить изволили от 25 мая¹¹¹ я с крайним неудовольствием усмотрел, что вы страдаете ревматизмом. Но надеюсь, что теперь существующая жаркая погода Вас от него скоро освободит.

Уведомляйте меня пожалуйста о древних супрасльского монастыря бумагах по мере того, что до Вас о них дойдет. Ксендз Бобровский познаниями своими и трудами возбуждает во мне большое почтение к нему, что прошу при каком-либо случае ему дать знать.

Ежели назначенная для освидетельствования в Литве соляных источников особа по окончании своего исследования подаст решительно [ясный?] отчет, то пожалуйста, м.г.м., уведомьте меня тогда, какое она заключение изо всего выводит станет.

В Киеве я нонешний год не буду, а маленькую сделаю отлучку для посещения роменской ярманки. Стану на ней искать древних рукописей и древних монет; но, вероятно, без большого успеха. Не забудьте [...] и то, что Вы мне обещали доставить, когда окончена будет перепись недавно найденных в Мазовии очень древних монет, над составлением которой трудится г. Лелевель.

Препровождаю к Вам небольшое число монет на рассмотрение, которые ко мне присланы с обозначением, что они очень древние литовские монеты. Дайте мне пожалуйста знать, какие какого времени, почитаются ли редкими.

Я дал согласие, чтобы в Гомеле моем [поселился?] немец, часовых дел мастер. Он родом из Кенигсберга именем Тидеман и проживал 6 лет в Вильне. Пожалуйста поведайте с некоторою точностию о его нравственности, поведении и также, почитается ли он за искусного часовщика. Мне случается Вас часто обременять препоручениями, коих нельзя исполнить без некоторых мелких издержек и на тот конец препровождаю к Вам вложенные в сем письме 100 рублей, которые прошу на то употребить и прежде, нежели сия маловажная сумма Вами вся издержана будет, потребовать прошу Вас от меня денег вновь.

А. Х. Востоков беспокоится, что по предсказанию моему он не получил еще тех литовских древностей и самогитских, которыми меня подарил г. Пашкевич. Пожалуйста уведомьте меня, чрез кого и когда вещи сии вами в Петербург отправлены.

С соверш. почт. и проч.

¹¹⁰ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 74—75.

¹¹¹ Ten pat, l. 76. Lobjka rašė apie Supraslio vienuolyno rankraščius, apie vienos Cackio knygos („Apie Lietuvos įstatymus“) pardavimą, apie savo ligą.

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!¹¹²

Письмо Ваше от 5-го июня имел я удовольствие получить во время приезда нашего куратора в Вильно к экзамену. Это время для профессоров самое тягостное и трудное. За сим следует выпуск студентов, производство их в степени, назначение наград за сочинения. Едва только кончились сии заботы, посадили меня за устав нового образования училищ по нашему округу, над которым я тружусь денно и ночью. Предварительные правила сего устава представлены были государю императору в Варшаве, а потому и должно всемерно спешить его окончанием. Тем более, что он должен воспринять свое действие с будущим учебным годом. В сих заботах не мог я отвечать вашему сиятельству в свое время и уведомить о получении 100 р. денег на мелкие расходы и монет, кои по сей почте я возвратить Вашему сиятельству не успеваю. 14 монет, полученных от Дорошевича, почти все хорошие экземпляры; из них 4 экзмп. суть солиды Кристины Шведской; 1 — *moneta nova* (?) герцогства прусского; 2 экз.— Густава Адольфа *moneta nova* (?); его же солид 1 экземпляр; 4 экз. *moneta nova* (?) Сигизмунда III и его же 2 экз. литовской мелкой монеты 1623 года. Выходит 15. Монеты сии не редки, правда могли бы быть достопамятны по месту, где они найдены.

Далее 7 монет от [си. ?]: 1 — большая серебряная в 5 польских злотых величиною с надписью *carotus Dei gracia Haerzog et princeps succiae*, в середине еврейскими письменами написано *etoim*, 2) Сигизмунда III короля польского серебряный грошевик, 3) две медных монеты, из коих одна весьма неясный экземпляр, 4) мелкая серебряная монета с ясным выражением 1560 года с надписью *magni ducatus litvaniae*, 5) напоследок две серебряные монеты, неясные экземпляры, кои можно только объяснить при сравнении многих подобных экземпляров. Надписи суть латинские буквы с украшениями, кажется, польские. Похожие на сии последние находятся и в нашем университетском нумизматическом собрании, но также неясные экземпляры. Опись рассмотренных профессором Лелевелем монет с рисунками им самим выгравированными Вашему сиятельству при сем препроводить честь имею.

О успехах в отыскании соляных источников в Литве, о часовом мастере Тидемане не премину Ваше сиятельство уведомить со следующей почтою.

Доставить из Крож от Пашкевича в Петербург собрание литовских памятников поныне не нахожу никакого случая, а по сему благоволите о сем затруднении Востокова уведомить, впрочем, я о том всемерно стараюсь. Почтеннейшему протоиерею Вашему мое искреннее приветствие. Н. Н. Новосильцев обещал возвратить профессора Бобровского из его заточения в университет к прежней должности. Малороссийские дворяне Политики в Роменском повете имели много старинных документов. Хорошо бы полюбопытствовать в Переяславле, там есть умный городничий, занимающийся историею.

Примите чувствования глубочайшего моего высокопочитания и вечной преданности.

Вашего сиятельства всенижайший слуга Иван Лобойко.

7 июля 1825 г. Вильно.

Буссе находится теперь в Вене по казенным делам.

¹¹² CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 71—72^v.

ответствов. 17 октября

Сиятельнейший граф!
Милостивый государь!¹¹³

Около 15 августа пред выездом моим в Самогицию имел я счастье получить письмо Ваше от 4 августа¹¹⁴. После изнурительных трудов мне позволено было на две недели воспользоваться отдыхом. Я ездил к г-ну Пашкевичу, чтобы принять от него подаренные Вашему сиятельству вещи, сам их уклад в два деревянных ящика, из коих один длиною в аршин, а другой в два аршина; к каждой вещи привязана сохранный записка с показанием, где что выкопано или от кого досталось. Сии два ящика с вещами находятся теперь у меня в Вильне, откуда удобнее их доставить в Петербург. При сем г. Пашкевич старался мне внушить, что по случаю копания ныне в Самогичи канала для соединения Дубиссы с Виндавою может попадаться под заступом большое количество достопамятных вещей и что если бы Ваше сиятельство благоволили обратить на сей предмет внимание генерала Базена или начальника заведывающего сими работами, тогда бы можно иметь верную надежду умножить число сих памятников древности. При сей поездке имел я также в виду посмотреть Пашкевича литовский словарь; не имея детей и поручив родственнику своему управление небольшого своего хозяйства, он совершенно посвятил себя сему труду.

Почта отходит, я тороплюсь окончить сие письмо. Относительно предложенных Вашим сиятельством вопросов напишу в Варшаву. Недавно отпечатан здесь на российском и польском языке проект нового устройства училищ по виленскому учебному округу. Экземпляр оного вручаю вашему сиятельству доставлю. Напоследок — Ваше сиятельство имели удовольствие видеть издание путешествия Коцебу¹¹⁵. Я надеюсь, что оно будет достойным памятником имени Вашего и щедрот Ваших, излианных на сие предприятие. Университет наш занимается по предписанию министра своим преобразованием. Я безмерно занят канцелярскими делами, которые лишают меня удовольствия служить Вашему сиятельству с прежнею ревностью и деятельностью. Василий Федорович Тимковский¹¹⁶ назначен в Бессарабию губернатором. Я надеюсь, что он может доставить публике превосходные известия о сей стране.

Прошу всенижайше извинить меня за поспешность сего письма. За счастье почитаю быть с неограниченным высокопочитанием и вечною преданностью Вашего сиятельства всенижайший слуга Иван Лобойко.

19 сент. 1825. Вильно.

[22]

Высокобл. И. Н. Лобойко.

Спб 17 октября 1825¹¹⁷

М.г.м. Иван Николаевич!

Благодарю за письмо, каковым меня удостоить изволили 19 сент. и за данное мне обещание о скорой [...] литовских древностей. Жаль будет, ежели я [...] не дождусь [...]

¹¹³ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 68—69.¹¹⁴ Ten pat, l. 70. Rumiancevas dėkoja už monetų aprašą, padarytą Lelevelio, klausia apie A. Sapiegos (1773—1812 m.) rankraščių rinkinį.¹¹⁵ Коцебу, О. (1788—1846) — rusų jūrininkas, keliautojas.¹¹⁶ Timkovskis, V. F. (1781—1832) — Besarabijos srities civilinis gubernatorius.¹¹⁷ CVSAA, f. 17, saug. v. Nr. 61, pap. l. 67—67^v. Laiškas daugelyje vietų sulaušytas rašalu, sunkiai išskaitomas.

С удовольствием [..?] проекта нового устава училищ по Виленскому учебному округу.

К сожалению моему, генерал Базен¹¹⁸ мне вовсе не знаком и следовательно я не в праве ожидать и домогаться [..?] каких-либо вещей, найденных при рытии канала под его начальством.

Искренне исповедую крайнее свое сожаление, что Вы, по собственным Вашим словам, безмерно заняты канцелярскими делами. Не знаю, к какой пользе Вас это поведет, а отнимает всякий способ отличиться на поприще словесности.

[Užbraukta]: купите мне пожалуйста полный экземпляр Линдова словаря на простой бумаге и отправьте его прямо в Гомель к протоиерею Григоровичу, да [..?] добавьте к тому экземпляру, который я собственной [..?] библиотеки имею, недостающие у меня тома на веленовой бумаге. Мне не известно, сколько на сие потребно будет денег, но в облегчение вашей издержки посылаю 100 р. асс., а чего не достанет, Вы с меня потребуйте.

С совершен[ным] почт[ением] и пр[очее].

**ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ЛИТВЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ПРОФ. И. Н. ЛОБОЙКО
С ОСНОВАТЕЛЕМ РУМЯНЦЕВСКОГО МУЗЕЯ
Н. П. РУМЯНЦЕВЫМ**

АННА КАУПУЖ

Резюме

Хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов переписка проф. Лобойко с Н. П. Румянцевым позволяет пролить свет на следующие факты.

Автором рукописного польско-литовского словаря 1823 г. считался Каетонас Незабитаускис. На основании материалов переписки встает вопрос о возможном авторстве *Киприонаса* Незабитаускиса. По крайней мере, в письмах Лобойко он выступает как единственный автор данного словаря.

Характеристика словаря, приводимая в переписке, свидетельствует, что автор включил только современные ему слова. Рукопись словаря, хранившаяся в библиотеке Варшавского университета, пропала во время последней войны. В случае ее нахождения это был бы документ, отражающий живой словарный фонд литовского языка начала XIX века.

По письмам можно точнее выяснить историю создания словаря Д. Пошки.

Письма дают дополнительные сведения о собрании литовских древностей Д. Пошки.

В письмах видим отражение истории сбора материалов о Литве и литовском языке в двадцатые годы XIX века.

---

¹¹⁸ Bazenai, P. P. (1786—1838 m.)— žymus matematikas, rašytojas, inžinierius.

FACTS CONCERNING SOME LITHUANIAN CULTURE
WORKERS OF THE 19th CENTURY.
(BASED ON PROFESSOR I. N. LOBOJKO'S
CORRESPONDENCE WITH N. P. RUMIANTSEV,
FOUNDER OF THE MOSCOW RUMIANTSEV MUSEUM)

ANNA KAUPUZA

S u m m a r y

The correspondence between Ivan Lobjko (professor at Wilna University in the beginning of the 19th century) and N. P. Rumiantsev reveals new facts and data about certain Lithuanian culture workers of the 19th century.

Usually Kajetonas Nezabitauskis was considered author of the manuscript Polish-Lithuanian dictionary (dated 1823). Lobjko's letters make it possible to put forward a new supposition: Kiprijonas Nezabitauskis (not Kajetonas, his brother) is the only author of this dictionary mentioned by the correspondents.

We learn that the author used only contemporary words for his dictionary. The manuscript, formerly kept by Warsaw University Library, got lost during World War II. If found this manuscript would serve as a document showing the actual state of Lithuanian lexis in the beginning of the 19th century.

The letters also provide new data concerning Dionizas Poška, his dictionary and his collection of antiquities.

This correspondence reflects how materials about Lithuania and the Lithuanian language were being collected in the twenties of the 19th century.